

С ДВОР МЁДА И ПЕПЛА

ШЕННОН МАЙЕР
КЕЛЛИ СЕНТ КЛЕР

**Келли Сент Клер
Шеннон Майер
Двор мёда и пепла
Серия «New Adult.
Романтическое фэнтези»
Серия «Мёд и лёд», книга 1**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69560293*

Двор мёда и пепла: Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-191628-2

Аннотация

Я – Каллик без Дома. Фейри-полукровка в мире, где фейри давно перестали скрываться от людей. Бастард короля и изгой при Благоем дворе.

Впервые за 24 года моя жизнь стала налаживаться. Но едва я обрела своё место в мире, случилась катастрофа. Фейри утратили связь с Андерхиллом, своей прародиной, местом рождения нашей магии, источником нашей силы. И все считают, что это – моя вина.

На меня объявляют охоту. Чтобы спасти себя и свой народ, мне остаётся только бежать – и выяснить, что действительно произошло с Андерхиллом. Если я не найду ответ, гибель грозит

всем фейри. Вот только по моему следу идёт один из лучших воинов Неблагих, которого я когда-то любила...

Для поклонников Сары Маас, Дженнифер Арментроут, Холли Блэк и Кассандры Клэр.

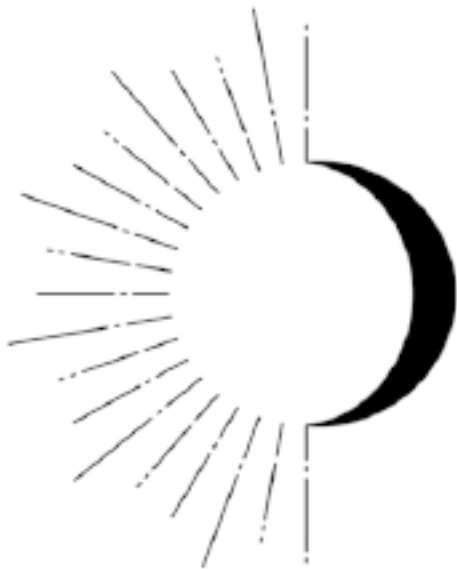
Оригинальный мир, где фейри давно не скрываются от людей, а в их королевство устраивают экскурсии.

Сильная героиня, динамичный сюжет, колоритные персонажи и напряжённая любовная линия.

Высокие оценки на amazon и от русского книжного сообщества.

Содержание

1	7
2	33
3	48
4	67
5	88
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Шеннон Майер, Сент Клер Келли Двор мёда и пепла

Это художественное произведение. Имена, персонажи, места и происшествия либо являются плодом воображения автора, либо используются в вымышленном ключе. Любое сходство с реальными людьми, ныне живущими или умершими, с

*учреждениями, событиями или местами является
чисто случайным.*

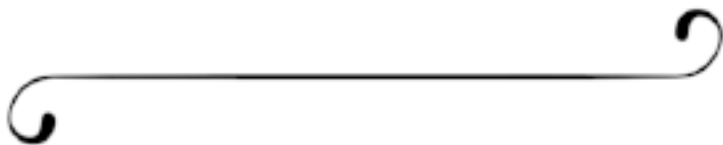
Shannon Mayer and Kelly St. Clare

A Court of Honey and Ash (Honey and Ice #1)

Copyright © Kelly St. Clare Shannon Mayer 2021, A Court
of Honey and Ash

© А. Овчинникова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Изда-
тельство «Эксмо», 2023

Упершись ногами и руками в раскаленный песок под таким же раскаленным солнцем, я застыла в неловкой позе прижавшейся к земле собаки в ожидании рева Рога Неиспытанных. С трудом сглотнув, я постаралась не думать, что будет, если я провалю последнее испытание после стольких лет выматывающих, жестоких тренировок.

Этот момент был кульминацией прошедших восьми лет: справься или умри.

Хватит ли у меня сил, чтобы стать одной из фейри Благого двора, или я буду изгнана вместе со своими слабейшими сородичами?

– Нахрен, – прошептала я, чувствуя, как желчь подступает ко рту.

– Поза у тебя для такого в самый раз, – пробормотал слева от меня Рябинник, другой ученик.

Зарывшись ногами и руками в песок в такой же позе, он

быстро улыбнулся, но я видела красноречивые напряженные морщинки возле его глаз и рта.

Те, кто сюда добрались, знали, чем грозит неудача. Те из нас, в ком была примесь людской крови, знали это еще лучше. А дворняги вроде меня – наполовину люди, наполовину фейри – знали лучше всех. Наверное, пора пожалеть, что я родилась на свет?

Не ответив улыбкой на улыбку Рябинника, я опустила голову и посмотрела на песок между пальцами. Эта поза причиняла скорее умственную боль, чем физическую, и все это было испытанием.

По лицу стекал пот. Боль в плечах превратилась в жгучую пульсацию. Коса, удерживающая мои густые темные волосы, расплеталась все больше, выбившиеся пряди прилипли к щекам. Я старалась дышать ровно, минуты текли мучительно медленно, а боль и желание сменить позу возросли втрое.

Кто-то в конце вереницы всхлипнул, и я догадалась, кто именно. Папоротник. Она не была создана для таких испытаний, но ей, как и всем нам, не оставалось ничего другого, кроме как тренироваться и молиться, чтобы ее не выгнали.

На обучение отправляли немногих женщин. Каждый год рождалось очень мало фейри-девочек, поэтому их холили, лелеяли и берегли... Если не считать тех, кого по веской причине надеялись изгнать, лишив права жить в мире фейри. Ради такой девочки никто из правителей и пальцем не ше-

вельнет, если она не способна к продолжению рода.

У нас, ублюдков и сирот, не было семей, которые поддерживали бы нас и ободряли во время обучения. Здесь, в Андерхилле, у нас не было никого, кроме друг друга, как бы пугающе это ни звучало, а поскольку многие из нас росли в одном приюте, нас связывало многолетнее знакомство.

– Держись, Папоротник! – проорала я. – Не смей сдаваться. Мы только начали!

В ответ она снова всхлипнула, и несколько других из двадцати четырех учеников застонали в знак согласия.

Вдалеке раздался долгий низкий вой. Он нарастал и нарастал, пока не перекрыл звуки тяжелого дыхания вокруг и не превратился в громовой рев Рога Неиспытанных.

В тот же миг я распрямилась и вместе с остальными бросилась вперед.

Мы бежали что было сил, разбрасывая во все стороны песок, а в голове у меня звучал резкий голос тренера: *«Как только услышишь сигнал, беги. Рог не только разрешает тебе двигаться, он еще и направляет на тебя зверей Андерхилла».*

«Звери» было слишком мягким и совершенно неточным определением...

– Монстр слева! – прокричал Рябинник.

Наша группа слаженно разделилась, чтобы встретить первое препятствие. Самозванный командир нашего отряда, Тысячелистник, возглавил правую часть, я – левую. Рябинник

и Папоротник бежали сразу за мной.

Нам нужно было собрать по пути спрятанные монеты, но, конечно, нас ждали не только монеты, но и монстры. Самый интересный вопрос: каких зверей для нас приготовили сегодня?

Впервые хорошенько разглядев монстра, я подумала: «Проклятье!»

– Дракон! – завопила Папоротник.

Ее вопль становился все тише – она убегала.

Твою ж мать!

«Пока, Папоротник».

Свернув влево, я заставила себя забыть о ее бегстве. Я не осмеливалась отвести глаза от «маленькой» проблемы, внезапно нависшей над нами.

То был не просто дракон, а *трехголовый* дракон. По моему скромному разумению, это на две головы больше, чем нужно. Языки пламени вырывались из каждой пасти огромными клубящимися сгустками. Сплошь покрытый черной чешуей, монстр казался ненастоящим – как будто кто-то вырезал его из фильма ужасов, которые нравятся людям. В приюте нам разрешали смотреть такие фильмы в пятницу вечером в качестве поощрения. Если мы себя хорошо вели.

Перебирая лапами, растопыренными под странными углами, дракон неуклюже приближался к нам.

Медленный.

Туповатый.

Неустойчивый.

– Оружие! – заорал Тысячелистник.

Я сняла с плеча лук, одним плавным движением извлекла из колчана стрелу и, вскинув лук, глядя мимо оперения, прицелилась.

Средняя голова дракона почти нерешительно качнулась влево, потом вправо. Я сосредоточилась на бешено вращающемся глазном яблоке и пустила стрелу. Хлюпающий звук, с которым острый наконечник вонзился в намеченную цель, потерялся в смешении других звуков и все-таки эхом отдался в ушах.

Средняя голова дракона поникла, как увядший цветок, но монстр все равно приближался; остальные две башки даже не взглянули на поверженную голову между ними.

Я нахмурилась.

Значит, тварь это не обеспокоило? Она даже не отреагировала на боль, когда ей проткнули глаз.

Мимо меня полетели стрелы и копья, некоторые вонзились в лапы дракона и его зазубренный хвост, многие не попали в цель, и я подавила вздох.

Не секрет, что фейри, даже дворняги, дерьмово сражаются чем-либо, кроме магии. А теперь угадайте, какое правило нас заставили соблюдать перед последним испытанием, где мы могли себя проявить? Угадали – никакой атакующей магии.

Что ж, меня это вполне устраивало, поскольку мою ма-

гию... ну... вряд ли можно было назвать первоклассной.

Я наложила на тетиву вторую стрелу и прицелилась в левую голову.

– Поторопись, Каллик! – прорычал Тысячелистник.

Алли. Я предпочитала, чтобы меня называли Алли, и он распрекрасно это знал.

– Помощь приветствуется, – пробормотала я, но ухмыльнулась, когда и третья стрела попала в цель.

Теперь у нас имелся целый букет увядших чудовищных цветов – если можно так выразиться.

Драконьи головы с глухим стуком упали на землю. Судя по всему, они издохли. Но тело продолжало двигаться по горячему песку, пошатываясь, волоча за собой головы.

Тьфу, пакость. Хотя это и не самое худшее, что я видела за последние восемь лет. И уж точно не самое худшее, что я пережила.

Я внимательно рассматривала тварь. Похоже, мозг не был связан с остальными частями тела дракона. Существо было одновременно и живым, и нет.

Странно зачарованная, я опустила лук и стрелы, наблюдая за необычным зрелищем.

– Соберите монеты!

Гулкий голос Тысячелистника заставил меня вздрогнуть.

Я зачерпнула из ближайших деревьев зеленую энергию и, подпитав ею свою магию цвета индиго, обернула ею горло, чтобы усилить голос.

– Монеты! – прокричала я с увеличенной волшебством громкостью своей половине группы. – Найдите монеты!

Рябинник хлопнул меня по плечу.

– Неужели Тысячелистник только что умудрился отдать приказ раньше тебя?

Да. И мне будут напоминать об этом до гребаного конца.

Тысячелистник, бастард Золотого Дома (который был лишь на одну ступень ниже Королевского Дома), решил стать моим проклятием почти сразу, как я поступила сюда. Если я думала о Тысячелистнике слишком долго, я до сих пор чувствовала, как его гнусные руки шарят по мне, когда он хватает меня за одежду.

Я содрогнулась.

«Нет, не надо об этом».

Две половины нашей группы окружили монстра.

Раздался взволнованный крик, и мгновение спустя я заметила искомое сокровище: за пошатывающимся драконом виднелся окованный железом деревянный сундук.

Рябинник добрался до сундука первым и, осторожно держась за деревянный край, чтобы не касаться железа, открыл крышку. Когда он наклонился, чтобы заглянуть внутрь, на его темно-каштановых волосах заиграли блики, придав им приятный медный оттенок. Нет, свет отражался вовсе не в его волосах.

Он поднял глаза, медные отблески теперь играли на его лице.

– Дерьмо. Здесь не хватает монет. – Взгляд Рябинника заметался. – Их тут двадцать от силы.

Значит, это не «соберите заветные монеты всей командой». Это «урви монетку, иначе вылетишь вперед задницей».

Рябинник кинул мне одну монету, еще одну положил в карман и отступил, позволив другим толкаться и бороться за то, что осталось от клада.

Тысячелистник плечом проложил себе путь вперед. Засранец.

Рябинник похлопал меня по плечу. Мы вместе учились в приюте и, хотя не были близкими друзьями, знали друг друга много лет.

– Надо идти. Думаю, с этого момента...

Я кивнула, опуская монету в мешочек на бедре.

– Следующее испытание, наверное, будет похожим. Монет станет еще меньше, учеников вылетит еще больше.

Игра изменилась.

Бросившись бежать рядом с Рябинником, я опустила лук, но продолжала крепко сжимать его в левой руке, а две стрелы – в правой. Лучше держать оружие наготове в ожидании, когда появятся новые твари.

Мы помчались вниз с песчаной дюны, и тут я увидела Папоротник: она сидела, съжившись, ее плечи тряслись. Я засунула стрелы за пояс, подбежала к ней и схватила за руку.

– Встань и возьми себя в руки, Папоротник. Может, нам

удастся помочь тебе раздобыть следующую монету.

Она мотнула головой; ее длинные светлые волосы были распущены и уже все спутались.

– Хорошо?

Рябинник возвел к небу ярко-зеленые глаза, но промолчал, и я тоже ничего больше не сказала.

Мы не могли оставить ее здесь. Андерхилл – прародина фейри – опасен даже для тех, кто готов принять его непредсказуемые выкрутасы. Эта часть королевства особенно изменчива в течение нескольких часов после того, как протрубит Рог Неиспытанных. К тому же Папоротник не виновата (я крепче сжала ее запястье), что ей достался дерьмовый тренер. Нам с Рябинником повезло – мы урвали Бреса. Да, он был старым пердуном, но и лучшим наставником юных фейри.

Мы снова пустились бегом, песок шевелился у нас под ногами, превращаясь из обжигающего и текучего в холодный, влажный и тяжелый.

И тут перед нами предстал настоящий океан, простиравшийся вдаль, насколько хватало глаз. Я замедлила шаги, когда справа обрушилась волна, накатила на совершенно новый берег.

«Андерхилл снова наносит удар».

И этот удар поразил меня в самое больное место.

С бешено колотящимся сердцем я рассматривала беспокойную водную гладь, пытаюсь сохранить бесстрастное вы-

ражение лица. Лишь бы никто не заметил панического страха, норовящего вцепиться мне в горло, когда во мне зашевелились старые воспоминания.

«Холодная вода, вода была такой холодной, что я не могла дышать...»

Нет, нет! Нельзя позволить прошлому украсть мое будущее!

– Брес сказал, что нас ждут три главных испытания. Испытание нашего оружия. Испытание нашей храбрости. И испытание нашего разума, – донесся до меня голос Рябинника. – Как думаешь, которое это из них?

Мы преодолели первое препятствие с помощью оружия – по крайней мере, так я думала.

Когда волны успокоились и океан затих, я выдохнула воздух, который задержала в груди.

– Испытание храбрости.

Папоротник обхватила себя руками.

– Почему? Это же просто вода. Возможно, нам предстоит испытание разума. Труднее надолго задержать дыхание, когда тебе угрожает опасность.

«Неужто, черт возьми?»

Дворнягам, которым приходится бороться со своими человеческими инстинктами, велящими сделать вдох, нелегко совершить такой подвиг. Но еще сложнее тем, кто испытывает цепенящий страх перед водой.

Я сжала кулаки, приготовившись к тому, что должно про-

изойти. Задрала подбородок и посмотрела на воду.

В воздухе, вращаясь, мелькнуло что-то серебристое, устремилось вниз и исчезло в волнах.

– Видели? – прохрипела я и скорее почувствовала, чем увидела кивок Рябинника.

– Серебряная монета, – проворчал он.

Только такого подтверждения я и ждала.

Лучше побыстрее покончить с этим делом. Не дав себе времени передумать, я бросила оружие на мокрый песок и разделась.

Рябинник без колебаний последовал моему примеру, Папоротник разделась после короткой заминки.

– Ты хорошо плаваешь? – спросил ее Рябинник.

Папоротник опустила голову.

– Да.

Меня он ни о чем не спросил – я упорно старалась, чтобы моя слабость не стала известна всем и каждому. В смысле... Я умею плавать, но...

Я заставила себя пойти по мелководью и зашипела: в меня вонзился ледяной холод. Мы втроем стояли уже по пояс в воде, когда на берег прибыла остальная часть отряда.

Рябинник и Папоротник, не медля больше, плюхнулись и поплыли. Другие Неиспытанные последовали их примеру.

Нельзя больше ждать, я должна это сделать.

Несколько раз вдохнув через нос, я подавила панические мысли и нырнула.

Вода была такой холодной, что стянула железными лентами мою грудь и голову... Или это сделала не вода, а паника? Неистово работая руками и ногами, я заплыла как можно дальше и вынырнула на поверхность, только чтобы глотнуть воздуха.

Впереди я увидела Рябинника и Папоротник и, стуча зубами, поспешила присоединиться к ним там, где мы видели вспышку серебра. Рябинник взгляделся в глубину, я тоже, пытаюсь думать только о задании.

Вода была удивительно прозрачной, и мы увидели на дне сундук, в точности похожий на тот, который охранял дракон. Деревянный. Окованный железом.

– Делаем глубокий вдох, – сказал Рябинник. – Тут глубоко.

Легче сказать, чем сделать, но я вдохнула изо всех сил – и нырнула.

Я очень старалась, но проделала только полпути до дна, когда мои сжавшиеся легкие завопили, что нужно сделать вдох. Рассуждая логически, я понимала, что, будучи наполовину фейри, могу не дышать несколько минут. Но, поскольку я фейри только наполовину, человеческая часть моего разума отрицала эту истину, даже если бы я не боялась утонуть.

Рябинник и Папоротник опередили меня, они уже почти добрались до сундука.

Грудь сдавило еще сильнее; рассудок вопил, что мне надо срочно вернуться на берег...

Нет! Я не сдамся! Я наотрез отказываюсь сдаться!

Пузырьки сорвались с моих губ, потекли вверх, но я продолжала погружение.

«Почти на месте».

Рябинник повернулся, держа в руке серебряную монету. Посмотрел мимо меня и широко распахнул глаза, показав на что-то другой рукой.

Я развернулась в воде, и тут меня догнал быстро плывущий Тысячелистник с изогнутым ножом в руке. Он полоснул клинком по моему левому бедру, вокруг нас завертелся красный вихрь, но из-за леденящего холода я едва почувствовала порез.

Он замахнулся снова, я рванулась назад – и врезалась во что-то мягкое и хлюпающее. Доказательством того, что это мокрое и хлюпающее было живым, стало поспешное отступление Тысячелистника.

«Берегись неожиданностей».

Я медленно повернулась – и забыла о своей проблеме с дыханием. Вокруг взметнулись щупальца, я заметила прищипки размером с мою голову, когда морская тварь потянулась, норовя поймать плывущих неподалеку Неиспытанных. На меня монстр со щупальцами не обратил ни малейшего внимания, потянувшись к другому ученику. Я что, слишком близко, чтобы существо меня увидело? Однако нет ни малейшего шанса, что оно не учует кровь в воде.

Я сняла ремень, перетянула им ногу, проплыла под выпуск-

лым розовым телом монстра к сундуку... И, широко распахнув глаза, схватила *последнюю* серебряную монету. Значит, мимо меня проплыло больше Неиспытанных, чем я думала.

Добыть последнюю монету – это слишком близко к поражению, чтобы я почувствовала себя уверенно. А ведь, судя по всему, в следующий раз монет будет еще меньше.

Надо спешить! Рябинник и Папоротник уже всплывали на поверхность, намного опередив меня.

Монстр потянулся к ним гигантским щупальцем, и Рябинник по нему рубанул. Чудовище заметалось, отпрянуло.

Бойтся боли, да? Рада это узнать.

Сунув монету в рот, я подняла сундук и ударила о каменный пьедестал, на котором он стоял. Раскалывающийся звук устремился вверх, а я схватила длинный кусок доски с зазубренным краем; усиленно работая ногами, проплыла под чудовищем и оказалась позади него. Монстр начал всплывать, чтобы схватить Рябинника и Папоротник, и я устремилась следом, готовая ударить, если тот сумеет ухватить их и потащить вниз, как уже схватил нескольких других Неиспытанных. Не меньше семи фэйри попались в щупальца, насколько я сумела разглядеть. Я не смогу спасти всех, но кое-кому, возможно, сумею помочь.

Свободные щупальца потянулись к Рябиннику и Папоротник, и я ткнула в мягкое брюхо монстра зазубренной деревяшкой. Чудовище завизжало – звук гулко разнесся в воде – и вернулось на дно, выпустив из щупалец нескольких Неис-

пытанных. Больше я ничего не могла сделать и, улучив мгновение, выплыла из-под монстра.

Вынырнув на поверхность, я не осмелилась передохнуть, а вместо этого поплыла что было сил к мелководью. Хватая ртом воздух (хотя физически я все еще могла не дышать), я выползла на мокрый песок и осмотрелась.

Папоротник присела передо мной на корточки, но Рябинника нигде не было видно: он умчался вперед. Я его не видела, такова игра.

Пока я одевалась, Папоротник пристально смотрела на меня ярко-голубыми глазами, потом несколько раз моргнула и протянула мне лук и стрелы.

– Парни хотели их разломать.

А она помешала парням это сделать?

Я сунула серебряную монету в мешочек на бедре и забрала свое оружие.

– Спасибо.

– Это меньшее, что я могла сделать. Ты помогла мне добыть монету. Может, теперь мне позволят стать торговцем вместо того, чтобы вышвырнуть меня в Треугольник.

Я начала игру, твердо намереваясь раздобыть монеты всех цветов, но Папоротник была права – наверное, тем, кто с успехом пройдет одни испытания, но провалит другие, дадут утешительные призы.

– Пошли.

Прихрамывая, я заставила себя двигаться быстрее, хотя

теперь, когда обезболивающий эффект холодной воды прошел, нога пульсировала так, будто меня лягнул мул. Кинув взгляд на рану, я увидела, что она не такая глубокая, как мне сперва показалось. Хорошо.

– Что там случилось? – спросила Папоротник.

– Тысячелистник, – с презрением бросила я. Да проклянет богиня его душу. – Сколько Неиспытанных выплыло передо мной?

– Около пятнадцати, включая Рябинника. Но некоторые из них объединились и выбрались раньше меня с Рябинником.

Альянс. Здорово.

Мы бежали трусцой. Вскоре океан исчез, сменившись густыми джунглями; теперь все время приходилось двигаться вверх. Мышцы бедра расслабились из-за внезапно окутавшей меня липкой жары, и рана, хотя все еще раздражала, не мешала двигаться.

Листва редела, земля под ногами становилась все тверже, и вскоре мы оказались перед отвесной скалой.

– Как думаешь, удастся на нее вскарабкаться? – тихо спросила Папоротник.

Часть каменной стены покрывал мерцающий серый налет. Я приложила к камню руку, и крошечный сгусток энергии скользнул по моим пальцам, почти маня вперед.

– Удастся.

Мы карабкались по крутому склону, осторожно ища опо-

ру для ног и пальцев. Под нами не было никаких страховочных сеток, и после недавнего суматошного бултыхания под водой подъем казался особенно жутким.

Вот это, должно быть, и есть испытание на храбрость.

Стиснув зубы, я старалась контролировать дыхание, вдыхать через нос и выдыхать через рот. А что мне психовать? Я не боялась высоты, она была куда больше моей стихией, чем океан. Где-то наверху шумела вода, но я старалась не обращать внимания на эти звуки и, наконец, нащупала плоскую вершину.

Выбравшись на утес, я перевернулась на живот и посмотрела вниз. Ха, Папоротник была прямо подо мной. Я протянула руку и помогла ей одолеть последнюю пару футов.

– Ты справилась. Молодец.

– Рад, что вы смогли к нам присоединиться! – крикнул Тысячелистник.

Присев на корточки, я повернулась к нему лицом.

«К ним».

Пятнадцать парней расположились полукругом за спиной Тысячелистника, среди них – Рябинник.

– Как командир отряда, – протянул Тысячелистник, – я настаиваю, чтобы дамы шли первыми. Хотя не уверен, что это слово применимо к кому-то с вашим... сомнительным происхождением.

Он осмотрительно не называл меня дворняжкой, когда могли подслушивать вышестоящие.

Тысячелистник рассмеялся, остальные подхватили смех. В том числе Рябинник.

Дьявол, нет. Меня не раздосадовало, что Рябинник присоединился к победившей стороне – это было просто разумно, – но вести себя как мудак? Теперь он пополнил мой список говнюков.

Наверное, нас подождали потому, что впереди было что-то по-настоящему опасное, и Тысячелистник решил сперва посмотреть, как облажается кто-то другой. Неплохая идея, хоть и трусливая.

Я жестко улыбнулась.

– Прошлым вечером ты пел по-другому, командир отряда.

Он крепче сжал рукоять ножа, костяшки его пальцев побелели, но я заставила себя пройти мимо, ступая так, будто моя нога не пульсировала болью после подъема, угрожая вот-вот подогнуться. Потому что там, за спинами остальных, поджидало следующее испытание. А поскольку монет на всех не хватит, имело смысл пойти первой.

Не обращая внимания на насмешки, я зашагала по единственной тропинке, ведущей с вершины утеса.

Плеск воды нарастал, пока не превратился в яростный рев, эхом повторивший пульсацию крови в моих ушах.

Только не снова вода!

Широко распахнутыми глазами я уставилась на отвесный водопад: в сотне футов внизу он обрушивался в озеро, которое отсюда, с высоты, казалось невероятно маленьким. При

мысли о том, что придется туда нырнуть, я с хрипом выдохнула.

Не может быть, чтобы от нас ожидали такого прыжка! Но дорожка, мерцавшая светло-серым, обрывалась прямо над водопадом, дальше идти было некуда. Нам явно полагалось прыгнуть.

Я сделала шаг назад.

Нет. Ни за что. Я не смогу! То, что Андерхилл часто казался сном, не означало, что мы не можем здесь умереть. Если я прыгну, я или разобьюсь о камни, или утону.

Еще шаг назад.

– Алли, берегись! – крикнула Папоротник.

Я подавилась криком, когда большая рука толкнула меня между лопаток. У меня осталась всего доля секунды на то, чтобы оттолкнуться здоровой ногой, катапультируясь подальше от скалы. А потом... свободное падение.

Вопль застрял в глотке, разум затопила паника, такая сильная, что глаза начала завлакивать темнота. Я закрыла их и покорилась судьбе. Перед моим мысленным взором проносились вспышки воспоминаний – так часто случалось, когда смерть подступала опасно близко.

Вот я расту – дворянка-изгой в сиротском приюте. Борюсь за то, чтобы попасть на эти испытания...

Внезапно меня окутало успокаивающее тепло, которое мягко замедлило мое падение, укачивая в своих объятиях.

Вода! Но она была такой мягкой, и я вошла в нее так плав-

но, что на мгновение мне подумалось – я погибла, врезавшись в озеро.

В игру вступила магия.

Я забарахталась в ласковой хватке воды, несущей меня к подножию водопада. А вот и знакомый деревянный сундук – ожидает на плоском камне.

Дрожа, действуя чисто автоматически, я вылезла на камень, откинула крышку и достала одну из восьми золотых монет, а потом еще одну – для Папоротник. Парни пусть поцелуют нас в задницы.

Все еще ошалевшая, я заставила себя снова войти в воду, доплыла до края теплого озерца и выбралась на берег.

Земля. Подо мной наконец-то была великолепная, твердая, непрогибающаяся земля. Присев на корточки, погрузив пальцы в грязь, я наблюдала, как остальные Неиспытанные врезаются в воду. Все они остались невредимы – это подтвердило, что прыжок совершенно безопасен, нужно просто набраться смелости, чтобы прыгнуть. Или по счастливому стечению обстоятельств получить толчок между лопаток.

Тысячелистник прыгнул пятым. Он еще успеет ухватить золотую монету.

«Ублюдок».

Рябинник выпорхнул из гнездышка восьмым и выбрел из воды с пустыми руками и поникшей головой. Я не кинула ему лишнюю монету. Он сам задал мелодию, и я под нее танцевала.

Из джунглей вышли Брес и другие тренеры, и я мельком отметила, что большинство не добравшихся до финального задания Неиспытанных, насквозь промокших, появились вслед за ними.

Мое внимание было приковано к вершине утеса. Папоротник еще не нырнула.

– Ныряй, Папоротник, – прошептала я.

Вряд ли она это сделает – я бы не сделала, если бы знала, что все призы уже разобраны, – но если она не выполнит задание, будет трудно отдать ей монету. Мгновение спустя раздался тошнотворный свистящий звук, мелькнули светлые волосы, и Папоротник врезалась в воду почти без всплеска. Прошло несколько секунд, прежде чем она всплыла на поверхность.

– Все монеты кончились, но я решила все равно прыгнуть, – пожала плечами она, присоединяясь ко мне.

Я сунула лишнюю золотую монету ей в ладонь и подмигнула, увидев ее изумленное лицо. Посмотрим, как Рябиннику понравится это тухлое яйцо.

Кто-то хлопнул в ладоши, и Брес шагнул вперед.

– Те, кто добыл три монеты, войдут в Элиту Благих. Вы будете обучаться в выбранной вами области, получите стипендию, собственный дом, герб и двух слуг-людей.

Тысячелистник выпятил грудь. Я сморщила нос, но желание всем этим обладать, переполнявшее меня с той секунды, как я начала тренироваться, разгорелось еще сильнее.

Собственный дом. Собственные деньги.

У меня было три монеты.

Я стану Элитой. Герб и слуг могут оставить себе, но остальное... Вот она, независимость и свобода.

– Те, кто добыл две монеты, – продолжал Брес, – станут Срединой Благих. Вы будете обучаться в выбранной вами области, получите половинную стипендию и жилье рядом с лицами вашего статуса.

Папоротник схватила меня за руку и сильно сжала.

– Спасибо тебе, Алли.

На такое она и не надеялась. Я не ответила, все еще слегка ошеломленная ожидающей меня судьбой.

– Те из вас, кто добыл одну монету...

Несколько человек из промокнувшей насквозь группы подняли глаза. Должно быть, те, кому не удалось ускользнуть от монстра с щупальцами.

– Вас обучат на торговцев, и вы будете проживать рядом с лицами вашего статуса.

После восьми лет обучения в нашем отряде осталось всего двадцать четыре человека.

Двое из тех четверых, что вовсе не добыли монет, заплакали, двое других дрожали сильнее, чем Папоротник на уте-се.

– Те, у кого нет монет, – объявил Брес, – тоже станут торговцами.

Мой вздох слился со вздохами остальных.

– Я знал, что они этого не сделают. – Рябинник бочком подошел ко мне. – Я знал, что нас не прогонят, когда фейри так мало, а людей так много.

Он еще ни разу не пытался заговорить со мной после того, как выкинул тот дерьмовый фокус. Идиот.

Я даже не взглянула на него.

Брес широко раскинул руки.

– Восемь лет напряженной работы. Если вы все еще здесь, значит, вы сто раз доказали, чего стоите. Каждый из вас достоин присоединиться ко двору Благих в каком-либо качестве. Вам остается только принести присягу нашему почитаемому королю. Для меня большая честь представить нашу Жрицу, она примет ваши клятвы.

Наша группа заволновалась. Большинство видели легендарную Жрицу, когда их отбирали, распределяя в Благой или Неблагой дворы, но я не проходила такого отбора.

Из джунглей, шаркая, вышла сгорбленная старуха и встала между тренерами и нашим благоговейно взирающим на нее отрядом. Ее лицо скрывалось в тени капюшона, и не только я вытягивала шею, стараясь его разглядеть.

Тренеры выстроили нас в одну шеренгу; я оказалась в самом конце, передо мной встала Папоротник.

Стоящие впереди один за другим опускались на колени, готовясь произнести клятву, которая свяжет их с королем Благих и Андерхилл, которую мы делили с Неблагим двором. От такой клятвы не мог отказаться ни один фейри. Ес-

ли кто-то нарушит клятву двору, он будет магически связан и изгнан.

Я надолго задержала дыхание, потом выдохнула, почти готовая к тому, что у меня отберут три монеты, придравшись к какой-нибудь пустяковой формальности.

Моя очередь приближалась, и я волновалась все больше. Какую область выбрать для обучения? Где решить жить? На острове Унимак в Беринговом море у берегов Аляски было полно красивых укромных уголков.

Слезы защипали уголки глаз. Всю жизнь я мечтала об этом моменте – и он наконец-то настал.

Папоротник опустилась на колени и пробормотала клятву, которую все мы, впервые войдя в Андерхилл, надеялись однажды произнести. Когда она присоединилась к нашим смеющимся, улыбающимся товарищам, я вздернула подбородок и встала на колени на освободившемся месте, чтобы последней произнести клятву.

– Твою руку, – потребовала Жрица.

Я снова попыталась заглянуть под капюшон старухи, но лишь мельком увидела прядь длинных седых волос – свидетельство крайне преклонного возраста, поскольку фейри стареют не так, как люди. Я протянула правую руку, и меня укололи в ладонь кончиком хрустального ножа.

Кровь потекла вверх по лезвию.

– Теперь произнеси свою клятву, Каллик, – сказала Жрица мягче. – И пусть богиня поможет нам в том, что будет

потом.

С проворством, противоречившим ее возрасту, она вонзила хрустальный клинок в землю у моих ног.

Я нахмурилась. С другими она такого не делала. Но гэльские слова крепко-накрепко вбили в мою голову, готовя к этому моменту, и теперь они слетали с моих губ, мелодичные и резкие:

– Я, Каллик без Дома, клянусь защищать и поддерживать законы Андерхилла.

Моей руке стало горячо в месте укола, я потеряла ладонь.

– Я подчиняю свою душу его силе. Я подчиняю свой меч приказам короля Александра.

Я начала дрожать, нарастающий жар быстрее гнал кровь по жилам.

– Если однажды я нарушу клятву, пусть мне не будет места в нашем мире, в Андерхилле и за его пределами.

Едва я произнесла последние слова, как магия прошла сквозь меня и вырвалась наружу взрывной волной, вздыбив землю. Зеленая ослепительная молния разорвала воздух неподалеку, такие же зеленые ледяные осколки, острые, как лезвия бритвы, разлетелись вокруг – и мир взорвался.

Старая фейри закричала, а я рухнула на землю, прикрыв руками голову, но некуда было скрыться от земли, которая то и дело изменялась подо мной.

«Джунгли, вода, песок, мед, облако, шипы, лед...»

Андерхилл всегда был крайне непредсказуем и изменчив,

но за восемь лет он ни разу не делал ничего подобного.

Что происходит? Мир продолжал трястись, но я поднялась на четвереньки и уставилась вниз, на то, что теперь было обычной утоптанной землей, усыпанной сосновыми иглами. Слишком обычной. Такой земли я не видела с тех пор, как... как явилась в Андерхилл.

Подняв голову, я встретила со взглядом Жрицы. Она наконец-то откинула капюшон. Один ее глаз был закрыт, через глазницу тянулся длинный шрам, второй глаз переливался всевозможными цветами. Она смотрела на меня осуждающе и молчала.

– Что происходит? – прошептала я, перекрывая крики и оглушительный грохот.

Каким-то образом она меня услышала.

– Андерхилла больше нет, Каллик без Дома. Ты его уничтожила.

Я стояла, оглядывая то, что всего мгновение назад было Андерхиллом.

Ледяной ветер ударил мне в лицо, в считанные секунды заморозив капельки, оставшиеся на коже после прыжка в воду. Повсюду тренеры выкрикивали приказы, голос Бреса перекрывал все остальные. Я же просто стояла, не в силах пошевелиться под пристальным взглядом Жрицы.

Потом она ниже надвинула капюшон на лицо, повернулась спиной и пошла прочь.

– Сюда, Каллик! – взревел Брес. – Надвигается буря!

Раздался вой ветра, повалил такой плотный снег, что я почти ослепла, но заставила себя переступить ногами, не в силах по-настоящему осознать, что, к дьяволу, только что произошло. Жрица, должно быть, ошиблась. Я, Каллик без Дома, управляюсь с магией едва ли не хуже всех в моей группе, значит, никак не могла уничтожить Андерхилл.

Спотыкаясь, я перебралась через снежный нанос в пару футов глубиной, догнала Бреса и остальных и увидела неподалеку два других отряда с их тренерами. Еще одна группа Благих – и группа Неблагих. До сих пор мы с ними не встречались, тренируясь в разных местах Андерхилла.

– Следуйте за мной! – рявкнул Брес, магически усилив свой голос, чтобы его было слышно сквозь бурю.

Меня с размаху ударила страшная мысль, от которой я задохнулась.

— Кто-нибудь пострадал?

Брес посмотрел на меня со сталью во взгляде.

— Нет.

Я испытала огромное облегчение. Смерть фейри — не мелочь, ведь нас осталось так мало. Хотя иногда смерти было не избежать, вряд ли я смогла бы видеть себя в зеркале, если бы мой поступок... мой *предполагаемый* поступок привел к бесцельной смерти одного из моих сородичей.

Как старший тренер нашей группы Брес повел нас по тропинке к массивному бревенчатому дому, тому самому, в котором мы собрались восемь лет назад перед тем, как перейти в Андерхилл. Дом задумывался как своего рода убежище. На втором этаже там было двадцать комнат, на первом — зал не меньше пяти тысяч квадратных футов и огромная кухня.

Мы ворвались внутрь, едва держась на ногах, и два других отряда последовали за нами, толкаясь, спеша укрыться от непогоды.

В огромном каменном камине быстро развели огонь, от него начало растекаться тепло.

Того, что мы очутились под крышей, хватило, чтобы поднять нам настроение.

Ученики-Благие держались в левой части зала, Неблагие — в правой. Разделяющая нас граница была всегда и пребудет вовеки веков.

Я отошла к окну и уставилась на усиливающуюся бурю, лишь вполуха прислушиваясь к шепоткам, кружащим по комнате, как стая ворон.

– Что случилось? Наше обучение закончено?

– Мы сможем вернуться домой на Унимак?

– Андерхилл действительно исчез?

Потом заговорил один из незнакомых наставников. Бросив быстрый взгляд через плечо, я узнала в нем Неблагого, и на мгновение мне показалось, что мы уже где-то встречались. Его темные волосы ниспадали на плечи, глаза были темно-зелеными, цвет магии – под стать глазам (такое часто случается у фейри), но настолько темнее, что в ней едва угадывалось зеленое.

Неблагой обернул этой магией свое горло, чтобы усилить голос:

– Андерхилл никуда не делся. Место рождения нашей магии и источник нашей силы просто так не исчезает, но иногда капризничает.

Раздалось несколько смешков.

Я не смеялась. Я пристально глядела на этого тренера, думая о другом Неблагом, который был моим другом, пока его не распределили в темный двор. Я потерла середину ладони в том месте, где меня уколола Жрица, потом провела большим пальцем по другому шраму... И мысленно перенеслась в свое детство, в тот день, когда я впервые встретила фейри, еще не зная, что сама наполовину фейри. Неровный шрам

на указательном пальце – все, что теперь напоминало о том, как давным-давно я чуть не погибла.

– Сюда, Каллик, – прошептала мать на тлинклитском, крепко сжимая мою пухлую ручку.

Мы взбирались на вершину холма позади вереницы крадущихся на цыпочках взрослых и детей. Мы не жили рядом с этими людьми, но время от времени виделись с ними – как сейчас, во время зимнего солнцестояния, когда, покинув нашу часть острова, решили подсмотреть за празднеством фейри.

Мама посадила меня на развилку дерева, и я захихикала, но замолчала при виде того, что происходило внизу.

Красиво!

Фейри танцевали на берегах разветвляющейся реки, рядом с мостом, перекинутым через покрытую белой пеной бурлящую воду, их одежды развевались в такт кружению. То, что смотреть на фейри было опасно, как будто делало их еще грациознее.

Я подалась вперед и чуть не свалилась с дерева.

– Сиди тихо, как мышка. Волишебный народ не хочет, чтобы на него смотрели, – сказала мама и, улыбнувшись, прижала палец к губам.

Машинально кивнув, я продолжала не моргая наблюдать, как волишебный народ празднует под медленно темнеющим вечерним небом. Их движения взывали ко мне, у меня заныло

внизу живота. Я бросила взгляд туда, где мама вполголоса разговаривала с группой старейшин.

«Только побыстренько посмотрю на них поближе. Буду тихой, как мышка, и сразу вернусь».

Соскользнув с дерева, я пробралась под прикрытие кустов и зачарованных деревьев. Когда остальные люди остались позади, я ускорила шаги и, изо всех сил перебирая короткими ножками, трусцой пустилась к реке. Сердце колотилось где-то под ребрами, учащенное дыхание вырывалось изо рта туманом в морозном сумеречном воздухе, но возбуждение согревало меня и гнало вперед.

Я должна добраться до них... до фэйри.

Наконец, оставив позади последний холмик, я подкралась совсем близко и спряталась за деревом на краю.

У меня перехватило дыхание.

Красиво!

Их волосы блестели в мягком лунном свете. Мне казалось, что внутри фэйри светятся звезды, придавая их коже изумительное сияние.

Музыка стихла, у меня упало сердце, когда танец замедлился. Я оглянулась на холм и сделала шаг назад, туда, где оставила маму.

Вдруг заиграла резкая музыка, и я присела, снова посмотрев в сторону реки.

Фэйри расступились, но почему – я не увидела и, прикусив губу, снова оглянулась через плечо. Мама на меня рас-

сердиться и заставит целый месяц чистить всю пойманную нами рыбу.

Наступила тишина, потом из-за толпы фейри донесся стук копыт, и я увидела шлемы приближающегося отряда. Я просто должна посмотреть на всадников поближе.

Покинув безопасное убежище за деревьями, я поспешно присоединилась к фейри, а потом проскользнула между ними, изо всех сил стараясь быть похожей на мышку.

На меня не обратили никакого внимания – все не спускали глаз с конного отряда. Пробравшись вперед, я отлично разглядела конников и приоткрыла рот.

Впереди ехал мужчина. Если в фейри вокруг меня как будто сияли звезды, то в нем сияло само солнце. С широкой улыбкой он оглядывал толпу; женщина, которая ехала рядом с ним, улыбалась почти так же широко. Такой красавицы я еще никогда не видела и застыла на месте, провожая верховых взглядом. Проследовав мимо, они спешили и вошли на мост.

Человек-солнце начал говорить. Я не могла оторвать от него взгляда. Его мощный голос разносился громко, как рев бушующей под ним реки, только вода была бурной, а его голос оставался мягким. Как коричневое масло.

Я невольно заулыбалась, хотя не очень понимала его взрослые речи. Он протянул руку ладонью вверх, королевский синий цвет вырвался из его ладони, устремился вверх и распался на сотни завитков, которые начали обвиваться во-

круг тех, кто стоял на открытом месте. И вокруг меня тоже.

Я ахнула, когда раскаленный добела жар вспыхнул в моей груди. Мне не было больно, но стало так жарко, что я не понимала, как на мне не загорелась толстая шубка и рубаха под ней. Темно-синий завиток остановился передо мной и изогнулся, будто вопросительно склонясь. А потом метнулся вперед и обвился вокруг моих пальцев, скручиваясь, лаская.

Я вздрогнула. Что это?

Вскинув голову, готовая запаниковать, я уставилась на фэйри на мосту... И поняла, что он смотрит на меня.

Он нарочно послал ко мне завиток?

Мне это не понравилось. На глаза навернулись слезы, я шмыгнула носом и перевела взгляд на женицу. Но, в отличие от фэйри-мужчины, она на меня не смотрела. Неземная женица стояла лицом к спутнику, крепко сжимая его предплечье.

Она чем-то расстроена? Я взглянула на мужчину как раз вовремя, чтобы увидеть, как он сжал кулак.

Магия исчезла, и синева исчезла с ночного неба и с моих пальцев так же быстро, как гас огонек, когда мама задувала свечу.

Мужчина снова начал говорить, но теперь я не могла оторвать взгляда от своих пальцев. Они остались точно такими же, какими были. А еще с кем-нибудь такое произо-

шло?

Стараясь держаться тихо, как мышка, я украдкой посмотрела на окружающих фейри. Похоже, никто, кроме меня, не был удивлен, никто не пялился на свои руки. Все просто наблюдали за красивой парой на мосту.

Я хотела снова увидеть голубые завитки.

Дети с цветами в руках выстраивались в очередь. Они, как и взрослые, были одеты в яркие, струящиеся одежды. Взглянув на свою коричневую шубку и сапоги, я все-таки присела, чтобы сорвать несколько белых цветов – им не было никакого дела до зимы вокруг. Мама рассказывала, что некоторые фейри создают их с помощью магии. Может быть, цветы выросли из-за волшебных танцев?

Опустив голову, я пристроилась в конец очереди. Она двигалась быстро, но я успела понять: если бы мама знала, куда я пошла, она бы легко меня высмотрела.

Поздно! Может, если я подойду к тому человеку достаточно близко, синева вернется и я смогу спросить, что это такое было?

Улыбаясь в предвкушении, я почти дошла до моста, впереди осталось всего несколько детей. Красивая женщина приняла их цветы с улыбкой, от которой у меня перехватило дыхание. Подняв голову, посмотрела на меня и моргнула.

Ой, нет, я слишком плохо одета! Меня прогонят?

Я начала переминаться с ноги на ногу, но она просто заговорила с мужчиной-фейри в золотом шлеме, стоящим по-

зади нее. Тот склонил голову, и она снова стала принимать цветы.

Кроме меня осталось трое детей.

Двое.

Один.

С трудом переступая замерзшими ногами, я приблизилась. Не в силах встретиться с женщиной взглядом, протянула три белых цветка и сказала:

– Вы хорошенькая.

Она улыбнулась и приняла цветы.

– Спасибо, дитя.

Ее голос походил на перезвон колокольчиков. «Как можно говорить так мелодично?» – пронеслось у меня в голове. Я посмотрела на мужчину рядом с красавицей – теперь, когда он был так близко, его лицо казалось намного суровее. Мне оно не понравилось. Мне захотелось к маме.

Вздернув подбородок, я поспешила прочь, чтобы убраться от него подальше, но кто-то бросил камень мне под ноги. Споткнувшись, я отшатнулась в сторону и схватилась за перила моста. И вдруг они как будто изогнулись, а потом растаяли. Большие не за что было хвататься, и я головой вперед полетела в реку.

У меня вырвался отчаянный вопль, потому что за считанные секунды перед тем, как вода сомкнулась над моей головой, меня охватил страх. Этот страх каждому ребенку вроде меня внушали с детства.

Вода на нашем острове смертельно опасна. А зимняя вода опаснее всего.

Я погрузилась в нее, и все исчезло.

Исчезли верх и низ. Свет. Воздух. Связные мысли.

Моя шубка тянула меня ко дну и в то же время смягчала удары, когда вода швыряла меня о подводные валуны. Мои легкие сжались, я пыталась шевелить руками и ногами, как показывала мама... Плыть. Я должна плыть!

Но течение было таким сильным. Слишком сильным. И я устала. Ноги и руки ощущались странно тяжелыми, какими были всегда, когда я только что просыпалась или, наоборот, засыпала. Мои глаза закрылись, даже внезапное подергивание за шубку не заставило меня их открыть.

Кто-то выдернул меня из реки, и я сильно ударилась о землю.

Кашляя, втягивая как можно больше воздуха, я распахнула глаза... На меня смотрели самые черные глаза, какие я когда-либо видела. Волосы симпатичного мальчика были такими же черными, с прядей капала вода.

– Ты в порядке?

Он говорил не на языке тлинкитов, но мама заставила меня выучить и язык фейри. Не в силах шевельнуть губами, я только стучала зубами, изо всех сил стараясь кивнуть.

– Сын? – раздался из-за спины мальчика гнусавый скупящийся женский голос. – Человек жив?

Симпатичный мальчик напрягся, но не взглянул на жен-

щину.

— Она жива.

— Тогда оставь ее здесь.

Между бровями мальчика появилась морищинка.

— Я отведу ее обратно к ее народу.

Вокруг раздались тихие смешки.

На этот раз в женском голосе слышался намек на смех:

— Весь в деда.

Я взяла предложенную мальчиком руку (моя была скользкой от крови) и пошла рядом с ним, спотыкаясь на дрожащих ногах.

— М-мама...

— На холме, — проворчал он, обнимая меня за талию.

— Д-да. — Я шмыгнула носом, смаргивая слезы. — Я п-просто хотела п-посмотреть.

Он шикнул на меня — мягко, не зло.

Но больше никто не попытался мне помочь, никто из красавцев не послал мне улыбки.

Лучше бы я никогда сюда не приходила.

Я потеряла шрам на пальце.

Неблагодать мальчик спас мне жизнь много лет назад. Может, лучше бы он позволил мне умереть. По крайней мере, тогда...

Я оглянулась через плечо на фейри, собравшихся в доме. На них тяжелым грузом давил страх, я почти видела, как он

клубится над их головами. Они не хуже меня понимали: что бы ни говорил тренер Неблагих, с Андерхиллом что-то случилось. А я понимала еще, что каким-то невероятным образом виновата в случившемся.

– Переждем здесь бурю, – сказал все тот же тренер Неблагих. – А утром отправимся обратно на Унимак.

Дверь с грохотом распахнулась, в комнату ввалились двое мужчин, закутанных в меха, запорошенных снегом с головы до ног, включая густые бороды.

Бороды.

Люди!

Я провела рукой по своему телу и закуталась в чары, чтобы они скрыли все, что делало меня не похожей на человека. Например, оружие и мои кожаные доспехи. Лук и доспехи вряд ли можно назвать обычным делом посреди Аляски.

– Черт возьми, Гэри, я же говорил, что мы идем не в ту сторону!

Один из мужчин топнул ногой, стряхивая снег.

– Это ты сказал, что сюда пошел снежный человек и что надо его выследить, – проворчал Гэри. Потом огляделся и сказал: – Эй, Горд, мы не одни.

Тот, кого, по-видимому, звали Горд, снял шапку.

– Да мне плевать, кто здесь, лишь бы не фейри.

Ой.

Оглядевшись, я увидела, что наставники скрыли все снаряжение учеников. Всего тут было две дюжины наших, две-

надцать Неблагих и еще пятнадцать новичков из недавно прибывшего отряда Благих – больше пятидесяти душ.

Гэри снял шапку, показав голый череп – выбритый, не лысый.

– Вас всех тоже застигла буря?

– Мы здесь проводим отпуск, – мягко сказал Брес, добавив в свой голос немного очаровывающей магии.

Гэри ухмыльнулся.

– Мило! Мы охотились на снежного человека. Вы знаете, что в Треугольнике полным-полно этих тварей? Думаю, мы напали на след стаи по меньшей мере из десяти особей, прежде чем разразилась буря.

Брес кивнул.

– Мы бы с удовольствием послушали историю о двух могучих охотниках.

Горд и Гэри улыбнулись, сбросили меховую одежду и заняли центральное место у камина.

Рябинник скользнул назад и встал рядом со мной.

– Можешь меня простить?

Я искоса взглянула на него.

– Да. Но не жди, что я буду тебе доверять.

Он фыркнул.

– Справедливо.

Потом кивнул людям, несмотря на окружающих их фейри.

– Думаешь, мы им по-настоящему не нравимся?

Я пожала плечами.

– Многие люди боятся фейри.

Я знала, что мама их боялась и делала все, чтобы как можно дольше не подпускать меня к границе между нашими землями и землями волшебного народа.

– Серая, – полушепотом говорил Гэри. – Зверюга была серой от макушки до кончиков огромных лап, ее мех свисал, как борода старика, спутанный и в остатках еды, а зубы смахивали на сломанные кинжалы. Тут она повернулась ко мне, – человек содрогнулся, – и я почувствовал, что она смотрит сквозь меня.

Несколько молодых фейри подались ближе, а я перестала слушать, о чем говорят у камина.

– Почему вам не нравятся фейри? – внезапно ворвался в разговор Тысячелистник.

Засранец.

Горд откинулся назад и посмотрел на Тысячелистника.

– Потому что в один прекрасный день они захотят вернуться к старым обычаям.

Я нахмурилась, Тысячелистник фыркнул.

– Каким таким старым обычаям?

– К тем временам, когда люди были их рабами, – сказал Горд. – Фейри хотят притвориться, что не опасны, но это не так. Они говорят, что не умеют лгать, но, по-моему, это заявление само по себе ложь.

Человек не ошибся. С тех пор, как фейри показались лю-

дям лет сто назад, сразу после Второй мировой войны, мы поддерживали старые поверья, что фейри не могут лгать и что мы нежный народец. Мы расселились по всему миру, чтобы жить небольшими группами – это помогало людям нам доверять, а в то время мы нуждались в их доверии.

Конечно, на самом деле фейри может лгать так же легко, как и любой человек. В чем Горд и Гэри были правы, так это в том, что фейри гораздо опаснее, чем мы признаемся. Особенно когда нас припирают к стене и остается только сражаться.

Эту истину мне предстояло воспринять всем сердцем.

3

Восемь лет назад я была полна предвкушения и нетерпения, и путешествие в Андерхилл казалось мне бесконечным. Сегодня, когда нужно было скрывать страшную тайну от мира, в который я возвращалась, полет домой из Треугольника промелькнул в мгновение ока.

Частный самолет сделал круг над островом Унимак. Я посмотрела вниз на крошечный клочок земли, на два знакомых горных хребта, торчащих на севере, как двузубая вилка, и мою душу наполнил ужас. Лазурное озеро-кратер лежало у подножия центрального пика, там, где хребты сливались в один.

При виде нашего острова другие Испытанные радостно загомонили, но приглушенно. Члены нового отряда хранили молчание.

Неблагие вернулись на свою сторону Унимака на собственном самолете.

По правде говоря, все мы знали, что Андерхилл вчера исчез, и это сильно омрачило блеск нашего возвращения. Фейри обоих дворов и все изгои потребуют ответа, и я не могла их в этом винить.

Помимо очевидного вопроса: «Как, проклятье, я уничтожила королевство?», меня мучили те же вопросы, что и остальных. Что теперь с нами будет? Фейри больше сотни

лет жили на Земле в местах, отведенных для нас людьми, а до этого свободно кочевали повсюду, но у нас всегда было свое царство, куда мы могли вернуться, чтобы почерпнуть магии или отдохнуть от человеческой политики. Мы полагались на Андерхилл. А если верить Жрице, я каким-то образом его уничтожила.

Я. Дворняжка. Фейри-полукровка. Незаконнорожденная, которую отцовские охранники оставили в сиротском приюте.

У многих фейри была примесь человеческой крови – это помогло нашему народу выжить после последней великой войны. Но в очень, очень немногих человеческой крови текло больше маленькой капли.

А я? Я была пятьдесят на пятьдесят. Такого не случилось уже много лет. И – да, я смирилась с этим фактом. Но увидеть Унимак после стольких лет, после того, как я вкалывала до потери сознания на тренировках в попытках изменить свою судьбу... Оказывается, в моей душе еще остались трещины.

Я вздрогнула, когда взвизгнули шины: мы приземлились на короткой взлетно-посадочной полосе на северо-восточной оконечности острова. Другие Благие с острова Унимак, одной из четырех территорий фейри, откуда прибыл наш отряд, приветственно закричали, но я не присоединилась к возгласам остальных.

Брес первым вышел из самолета, и я снова преисполни-

лась решимости. Ничто не встанет между мной и моей независимостью!

Ни отец, который приказал своим придворным вышвырнуть меня в сиротский приют вместо того, чтобы заявить на меня права после смерти моей мамы.

Ни ненавидящая меня мачеха.

Ни этот нынешний кошмар.

Вздохнув, я схватила свой залатанный баул и поплелась за Тысячелистником, катившим между рядами свою сумку на колесиках. Лопнуть от смеха, но сумка была помечена его дурацким именем, выведенным чем-то вроде стразиков. Самолеты фейри конструируются с учетом того, что фейри выше людей, но Тысячелистник все равно пригнул голову, чтобы выйти из салона.

Я вышла не нагибаясь и дважды моргнула, глядя на толпу встречающих. То, что пришли семьи выпускников, само собой разумелось, но некоторые из стоящих у трапа явно были чиновниками Неблагих. У нас есть строгие законы, запрещающие Неблагим и Благим приходить на территорию друг друга, поэтому для появления этих чиновников имелась серьезная причина.

– Держу пари, они пришли сюда, чтобы выяснить, что случилось, – сказала Папоротник, стоя перед Тысячелистником.

Конечно. Они уже слышали новости об Андерхилле от своих учеников и тренеров и были в ярости, зная, что произошло во время церемонии посвящения Благих.

Рассматривая толпу, я постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

– Ищешь своих родственников, дворняга? – бросил мне через плечо Тысячелистник и помахал большой группе золотоволосых фейри. – Постой, я же забыл! Они все умерли, не так ли?

Я почти не сомневалась, что папаша не явится. Впрочем, Тысячелистник не знал, кто мой отец. А если бы из толпы вышла мачеха, чтобы меня поприветствовать, меня хватил бы удар.

– Нет, не ищу, – ответила я. – Просто люблюсь пятном на твоих штанах.

Тысячелистник остановился, чтобы проверить, не вру ли я, и я обошла его и присоединилась к другим Испытанным Унимака. Я не очень ладила с другими членами отряда, но после восьми лет, проведенных в тесной группе из двадцати четырех фейри, было странно с ними расставаться: их увезут в родные владения в разных частях земель Благих.

Мне бы хотелось сказать, что я буду скучать по их компании, но я в этом сомневалась. Поскольку Унимак является официальной резиденцией короля Благих, возможно, некоторые из них – например, Тысячелистник и Рябинник – заглянут ко мне в гости. Конечно, если к тому времени я буду еще жива, что совершенно не гарантировалось.

Жрица знала, что я сделала, но старуха бесследно исчезла среди вчерашнего хаоса. Просто ушла, как будто ничего не

случилось. Опасна ли она для меня? Вдруг она скажет королю, что я нарочно уничтожила Андерхилл? Конечно, я совершенно не хотела его уничтожить, но я не сомневалась, что король мне не поверит. И я ничегошеньки не смогу поделать против такой могущественной женщины. Возможно, она уже все рассказала королю и его советникам. А может, Неблагие здесь потому, что их королева тоже знает?

У меня заныло в животе, на шее выступил пот, я невольно поискала глазами в толпе фейри королевскую стражу.

– Внимание, недавно ставшие Испытанными Унимака! – прогремел Брес.

Толпа притихла. Я повернулась лицом к своему старому наставнику и постаралась не делать далеко идущих выводов из того, что, обведя взглядом выпускников, собравших по три монеты, он смотрел на меня чуть дольше, чем на остальных.

– Вы заслужили место среди нас. И ваши достижения будут отмечены. Завтра вечером в замке короля Александра состоится пир в вашу честь, где все Благие воздадут вам должное. Вы заслужили право выбора будущей профессии и завтра объявите о своем решении. Призываю вас сделать мудрый выбор, потому что передумать будет нельзя.

Проклятье. Я не хотела видеть отца. Главным образом потому, что он тоже не хотел меня видеть. По правде говоря, никто не знал, кто мой отец – я не уверена, что он сам признавал свое отцовство. Незаконнорожденная дочь короля,

наполовину человек? Какой позор. Какая ужасная ошибка.

У меня внутри все сжалось от старой боли, которая заглушила опасения, что меня высматривают охранники.

Когда я была помладше, я жаждала заслужить одобрение отца, мечтала о доме, где меня бы любили... Особенно после того, как потеряла мать. Потом пришла стадия гневного отрицания, когда мне ничего от короля не хотелось. А после я поняла, что всегда буду стремиться, чтобы он меня принял. И что меня всегда будет ранить его отказ заявить на меня права... А ведь я была его единственным ребенком. Но теперь меня наконец-то приняли в ряды Элиты, и я впервые могла с уверенностью смотреть в будущее.

Мне всегда представлялось, что этот момент будет полон триумфа, удовлетворения и ощущения, что я равная среди равных, что меня приняли. Я отправилась в Андерхилл, веря, что выживу и пробьюсь наверх – одна из очень немногих женщин, которым это когда-либо удавалось. Мне удалось... И в то же время не удалось. Потому что сейчас я не чувствовала ничего из того, что ожидала.

– Пожалуйста, подходите по одному, чтобы узнать, какое вам выделили жилье, – скомандовал Брес.

Вчера вечером, когда мы сгрудились в хижине, только что не сидя друг у друга на головах, нам выдали опросник на тему – где мы предпочитаем жить, но теперь я не смогла вспомнить, что же я там написала.

Стоя третьей в очереди, я нахмурилась, когда Брес целе-

направленно обошел меня, чтобы сначала поговорить с Папоротник и Тысячелистником. Мурашки беспокойства поползли по моей спине. Я снова оглядела расходящуюся толпу: фейри окружали других Испытанных, приветствуя их.

– Каллик, – окликнул Брес, как только остальные ушли.

Я повернулась и выпрямилась, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Сэр.

Он изучал маленький свиток.

– Ты будешь жить на первом ярусе, сразу за пределами замковых стен.

У меня онемели губы.

Что?

– Я такого не выбирала.

Да, я не могла точно вспомнить, что выбрала, но я бы ни за что не решила жить рядом с замком. Скорее я написала бы нечто вроде «заколдованный лес, самый дальний от замка», или «у морского залива, самого дальнего от замка», или «у реки, самой дальней от замка». Проклятье, я предпочла бы местечко даже на дальнем берегу реки, где обитали Неблагие, лишь бы не жить рядом с замком Дорогого Отца.

Брес не был душевным и внимательным, но несколько смягчился за последний год, когда я стала лучшей в группе. Теперь от его доброты не осталось и следа.

– Приказ сверху. Ты не имеешь права оспорить это решение.

Я напряглась, к щекам прилила кровь. Но годы тренировок заставили меня подавить гнев, не дав ему выплеснуться наружу. Бороться с королем – пустая трата времени.

– Понимаю.

Я взяла у Бреса кусок пергамента. Пергамент поблескивал золотым – верный признак того, что я снова на Унимаке.

Каллик

дом Элиты № 666 первого уровня

Благой двор

остров Унимак

Аляска 99638

Соединенные Штаты

666 не было случайной цифрой. Другие фейри не знали, кто я такая на самом деле, но жена короля с раннего моего детства установила, как следует обращаться с дворнягой. 666 – просто еще один тычок в придачу к тем, которые я получала, пока росла. Если мне не запрещали в последнюю минуту идти на праздник, на который приглашались все остальные Благие, значит, королева потешалась над моими поношенными платьями, когда никто не слышал. Бросала разъяренные взгляды исподтишка. Приказывала охранникам пускать в ход магию, чтобы после ее ухода толкать меня, ставить подножки и делать из меня посмешище – точно так же, как в тот давний день на мосту, когда я «нечаянно» свалилась в реку.

Но я уже не та шестнадцатилетняя девочка, какой была в день своего отъезда. Я отказывалась такой быть.

– Спасибо, Брес... – Я подняла голову. – За то, что помогли мне пройти через тренировки.

Он сжал губы. Старый фейри огляделся, но мы были одни. Все остальные ушли праздновать и отдыхать со своими семьями.

– Что случилось с Андерхиллом, Каллик?

Мои внутренности превратились в лед, но я предвидела, что он будет меня допрашивать.

В том и заключалась сложность. Брес давным-давно дал клятву Благому двору и Андерхиллу; если у него появятся серьезные опасения или подозрения по поводу случившегося, он обязан будет передать информацию королю. Значит, надо убедить его, что я тут ни при чем.

– Вы что-то узнали? – спросила я.

Он прищурился.

– Жрица вонзила клинок с твоей кровью в землю. Почему?

Я облегченно вздохнула.

– Вы тоже это видели?

Брес наклонился ко мне.

– Расскажи, что *ты* видела. Что там случилось?

Я покачала головой. Богиня, я не хотела это делать. Я дала клятву защищать моего короля и Андерхилл.

– Не знаю, – честно ответила я хотя бы на вторую часть его вопроса. – Жрица... После того, как она меня кольнула... Думаю, она сама поранилась.

Как только ложь сорвалась с моих губ, мне захотелось блевать. Я пожала плечами, чтобы скрыть беспокойство.

– Потом она воткнула клинок в землю. Остальные стояли позади нее, вряд ли еще кто-нибудь это видел. Я не хотела ничего говорить... Она же Жрица. Кто мне поверит?

Я старалась не переигрывать. Брес знал меня лучше, чем кто-либо другой, он знал, что я паршивая лгунья. Хотя я как можно ближе держалась правды, на его лице промелькнуло сомнение.

Я придвинулась ближе.

– Вы видели, куда она девалась? Она как будто растворилась после того, как все произошло. Повернулась и просто... исчезла, как не бывало.

Брес поджал губы.

– Она умеет исчезать. И нет, никто не знает, куда она девалась.

– Я не знала, должно так быть или не должно.

По выражению его лица я бы предположила, что не должно.

Тренер отодвинулся от меня.

– Ты свободна. Не забудь о завтрашнем празднестве.

Разве о таком можно забыть?

– Да, сэр.

Со свитком в руке, с сумкой на плече я зашагала к большому зданию, буквально сотканному из переплетенных друг с другом красных виноградных лоз с широкими, как паль-

мовые, пурпурными листьями. Сооружение щедро украшали золотые и голубые цветы. Слегка безвкусно, но в чем феи-при преуспевали, так это в зарабатывании денег, и богатые туристы-люди любили такую фигню.

Проходя через здание, я увидела красный баннер: «Добро пожаловать на всемирно известный Волшебный Остров!»

К тому времени, как я вышла на улицу, моя простая рубашка и коричневые кожаные штаны покрылись серебристыми блестками.

«Ну, здорово».

Я стряхнула блестки, сама не зная, почему они меня беспокоят. А ведь мои блестящие проблемы только начинались.

– Алли! – услышала я сдавленный крик.

Мое сердце подпрыгнуло: я увидела невероятно грудастую женщину, бегущую ко мне с холма.

– Цинт!

Я уронила сумку и ускорила шаг.

Моя единственная настоящая подруга, Гиацинта, врезалась в меня так, что воздух вырвался из груди, и крепко обняла, обдав сладким запахом свежего хлеба и специй. Темно-русые волосы Гиацинты были заплетены в замысловатую косу, но выбившиеся пряди терлись о мое лицо.

Цинт выпустила меня и, держась на расстоянии вытянутой руки, осмотрела темно-синими глазами. Возле уголков глаз притаились морщинки, старый ожог на левой стороне лица превратил его в гримасу. За последние четыре года

шрам побледнел... Да, за четыре – потому что для Гиацинта прошло всего четыре года. Из-за замысловатых законов магии восемь лет, проведенных мной в Андерхилле, здесь пролетели вдвое быстрее.

– Я хотела встретить тебя у самолета, но не успела допечь последнюю партию вишнево-свекольных щекоток. Ты в порядке? Не могу поверить, что ты наконец-то дома!

Щекотки, кексы фейри, – мое самое любимое лакомство. Я еще никогда не пробовала щекоток с вишней и свеклой, но, если их испекла Гиацинта, наверняка они получились восхитительными.

Не успела я вымолвить ни слова, как Гиацинта воскликнула:

– О! – И хлопнула в ладоши. – Я сделала баннер.

Ее лицо вытянулось, когда она подняла смятый баннер с надписью «Добро пожаловать до».

– Тут было написано «Добро пожаловать домой, Алли», – пробормотала она. – Как же так получилось, что кусок оторвался?

Я улыбнулась.

Гиацинта осталась прежней – прошедшие четыре года ни на йоту ее не изменили. И, хотя мы не разговаривали целую вечность, мы как будто никогда не расставались и продолжили общение с того места, где остановились.

Она подняла палец.

– Я умыкнула для тебя щекотку. Вот...

Гиацинта застонала, извлекая крошки размятого бисквита. То, что осталось от лакомства, просочилось между пальцами и посыпалось на землю.

Улыбнувшись шире, я снова ее обняла.

– Как я рада тебя видеть. Я по тебе скучала.

Мой голос звучал глухо, потому что я уткнулась в ее большую грудь – Гиацинта была нормального для феи роста, то есть на несколько дюймов выше моих жалких пяти футов семи дюймов.

– Может, ты не поверишь из-за испорченной вывески и кекса, но я тоже очень по тебе скучала. Дай-ка я еще разок на тебя взгляну.

Меня снова отодвинули на расстояние вытянутой руки и развернули так, будто решили немного потанцевать.

– Какие у тебя теперь мускулы, Алли. Эй, ты слышала, что Андерхилл исчез? Ой, нам нужно торопиться. Шеф-повар отпустил меня всего на час, а я хочу посмотреть на твое новое обиталище. Где ты будешь жить? Пожалуйста, скажи, что рядом с третьим ярусом. Тогда мы будем почти соседками!

Я уже завернулась в нашу дружбу, как в старое любимое пальто. Но это не означало, что я могла рассказать Цинт все, поэтому я не ответила на вопрос об Андерхилле.

– Я буду жить на первом ярусе, – ответила я, протянув сверкающий пергамент.

Гиацинт просмотрела его и разинула рот.

– Первый ярус возле замка?

Я что-то буркнула в знак подтверждения, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Пришлось сделать такой выбор. Там живут Испытанные из Элиты.

Цинт крепко сжала мою руку и слегка взвизгнула.

– Я знала, что ты станешь Элитой. Одна из немногих женщин, получивших такой статус! Подожди, ты ведь ненавидишь замок. Почему же ты выбрала его? Эй, расскажи все. Я хочу все-все знать. Богиня, я так по тебе скучала. Никто здесь не сравнится с тобой, Алли.

Тараторя без умолку, она потащила меня за руку, и я послушно последовала за ней.

Мы шли к ближайшей трамвайной остановке Благих, чтобы проехать через город. Два двора фейри зависят друг от друга в поддержании магического равновесия, но не любят делиться игрушками. У Неблагих своя сторона острова, у нас – своя.

К счастью, сегодня в трамвае не было человеческих туристов. Последнее, в чем я нуждалась, – это в попутчиках-людях. Они бывают такими грубыми и чертовски шумными. А их фотоаппараты... Они вечно фотографируют все и вся и делают селфи! Гэри и Горд были ничуть не лучше – потребовали сфотографироваться с нами перед тем, как мы ушли из хижины. Люди очень странные и так быстро сближаются с другими.

Я слушала болтовню Гиацинты, когда трамвай под дей-

ствием магии начал движение вверх по восточному хребту, принадлежащему нашему двору. Заколдованный лес (сегодня он был голубым с золотом) рос на солидной части земель Благих. Еще одна приманка для туристов. Благим фейри все равно, какого цвета лес, – мы просто заботимся о том, чтобы его жизнь подпитывала нашу магию.

Когда уклон стал круче, я посмотрела в заднее окно трамвая на обителища фейри внизу. Замок моего отца стоял на середине горного хребта, а дома его подданных раскинулись на склоне до самого подножия. Фейри нашего двора жили и по всему зачарованному лесу, до ледяного Тихого океана – на всех землях Унимака к востоку от Пограничной реки.

– ...так что теперь я заместительница шеф-повара, – гордо заявила подруга.

Я снова прислушалась к тому, о чем она говорит.

– Как здорово, Цинт, – улыбнулась я. – Ты всецело заслуживаешь этой должности. Я и глазом не успею моргнуть, как ты станешь шеф-поваром и будешь управлять всей кухней.

Она покраснела, отчего след от ожога стал темно-красным, и снова меня обняла.

– Надеюсь. Ты же знаешь – это моя мечта.

Чистокровной фейри не приходится бороться за статус в нашем мире. Гиацинта могла бы выбрать любую должность, любой дом... Если бы ее родители десять лет назад не потеряли рассудок и не попытались убить нескольких охранников моего отца. Они устроили пожар, и Гиацинта чуть не по-

гибла в огне. После того, как ее ожоги зажили, она оказалась вместе со мной в приюте, где и обнаружилась ее страсть к готовке и врожденные навыки к этому делу.

Она продолжала разглядывать меня так, будто думала, что я вот-вот исчезну.

– Знаешь, что странно? Теперь мы с тобой ровесницы.

Мы шутили по этому поводу перед моим отъездом. Она тогда была на четыре года старше, но сейчас нам обоим было по двадцать четыре.

– Значит ли это, что ты больше не будешь по-матерински меня опекать? – ухмыльнулась я. – Больше не будешь подтыкать мне одеяльце?

Она легонько шлепнула меня по руке.

– Я опекаю фейри в двадцать раз старше себя, так что вряд ли тебе удастся этого избежать.

Трамвай остановился.

– Первый уровень! Фейтастического дня!

– Вот по чему я не скучала, – пробормотала я, хватая свою сумку.

Мы прошли вдоль стены замка. Вдалеке, в густой тени, стоял дом 666 Первого яруса.

Мой дом.

Я не была уверена, что сейчас чувствую.

– Интересный номер, – пробормотала подруга, снова све-
ряясь со свитком в моей руке.

– Забавный, да? – сказала я без намека на улыбку.

Все мы знали, что в мире людей число 666 – это число дьявола. В мире фейри значение числа было другим, но ненамного лучшим, оно означало хаос и невезение. С какой стороны моей родословной ни посмотри, плохая шутка.

Я толкнула дверь, она открылась, и я вошла. Гиацинта следовала за мной по пятам.

Пройдя по короткому коридору, мы очутились в комнате со столом и единственным стулом. Мне что, не могли дать два? Еще здесь была раковина, полки с тарелками, мисками и столовыми приборами.

В единственной комнате, примыкающей к гостиной, стояла кровать со множеством подушек и одеял. Дверь на противоположной стене вела в ванную комнату, где я нашла потрепанное полотенце, зубную щетку и мыло.

Нас предупреждали, что придется довольствоваться самым необходимым, и не преувеличили. Проживание на первом ярусе явно не давало особых привилегий, и меня это устраивало.

Может, потом удастся обменяться с другим Испытанным, который сочтет за счастье жить так близко ко дворцу? А что, хорошая мысль. Я смогу найти местечко поближе к Цинт, как только завершатся все церемонии.

– Несколько милых безделушек – и ты в мгновение ока почувствуешь себя дома, – донесся из спальни веселый голос Цинт. – У меня есть несколько лишних вещей, я принесу их

вечером после смены. Ой, подожди-ка, мы ведь работаем в две смены из-за завтрашнего праздника. Ты на него идешь? Конечно, идешь. Это же твой праздник...

Выйдя, она положила порванный баннер на кухонный стол.

– Тебе назначили стипендию, верно?

Я провела пальцем по столешнице, и гранит зазвенел под моей рукой: он все еще вибрировал из-за того, что его извлекли из земли с помощью магии фейри.

– Первый платеж будет завтра.

– Ну, тогда дела у тебя скоро пойдут, – просияла Цинт. Я видела, что она искренне за меня рада.

Гиацинта всегда обладала сверхъестественной способностью улавливать, *что* я на самом деле чувствую. Она не знала о нюансах моего рождения – я не раз пыталась рассказать, но, должно быть, в раннем детстве на меня наложили связывающие чары, и я не могла вымолвить об этом ни слова, как ни старалась. Но все равно подруга всегда чувствовала, как я переживаю из-за своего происхождения. Этот конфликт вечно бурлил и кипел в моем сердце.

Я так ждала, что вернусь домой как одна из Благого двора. Ждала ощущения свободы.

Ждала множества других ощущений, когда войду в собственный дом.

Но теперь я поняла правду: это просто горько-сладкий вкус того, что можно отобрать.

Я решительно подошла к столу, взяла баннер «Добро пожаловать до», повесила над дверью в свою комнату и отступила назад, скрестив на груди руки.

Я убедила Бреса отказаться от своих подозрений... надеюсь. Если Жрица будет держать рот на замке, со временем все уладится. Никто не узнает о том, что я сделала с Андерхиллом. Мне просто нужно не высовываться, играть свою роль... Играть так, будто от хорошей игры зависит моя жизнь. Потому что она и вправду от нее зависит.

После того, как Гиацинта ушла в свою пекарню, я не была в выделенном мне доме и трех минут, потому что мне нужно было кое с кем повидаться.

Со своей Тлаа.

Схватив лук и стрелы, я положила их в пустую сумку, но после многих лет сражений в Андерхилле этого мне показалось мало, и я сунула короткий изогнутый нож в ножны на бедре. Брес предупредил, что по возвращении мы будем перебарщивать с оружием – последствия восьмилетней жизни бок о бок с опасностями, – но сказал, что со временем это пройдет.

– Покамест ты не ошибся, старик, – пробормотала я.

У меня чесались руки захватить еще и метательные ножи и абордажный крюк, который я смастерила в Андерхилле. Но столкнусь ли я здесь с трехголовым драконом? Нет. Значит, можно обойтись без ножей и крюка.

Я выбежала из дома, не дав себе времени передумать насчет крюка.

Поехать вниз по склону в трамвае? Но тогда придется выслушать: «Фейтастического дня, мы с нетерпением ждем вас снова!»

Я возвела глаза к небу. Если я пойду пешком, будет шанс увидеть, что изменилось за время моего отсутствия.

На первом ярусе магазины были того же класса, что и на печально известной Пятой авеню в Нью-Йорке. Справедливости ради стоит заметить, что именно здесь совершали покупки большинство человеческих туристов – сюда им разрешалось приходить, – поэтому ассортимент товаров отчасти ориентировался на них. В витринах красовалась одежда фейри – толстые плащи из бархата, тонкие из эльфийского шелка (он легче перьев и теплее шерсти), кожаные наручи, украшенные полированной медью, походные ботинки ручной работы и сшитые на заказ штаны из шкур волшебных быков.

Все это могли носить и фейри, но вряд ли многие из них выбрали бы ярко-фиолетовые оттенки, блестящие пуговицы из оникса или нечто из черных кружев с коричневыми перьями. В лучшем случае тут продавался секонд-хенд, в худшем – безвкусные подделки для туристов. Люди, казалось, этого не замечали. Они приезжали сюда в поисках фантазий и дорого за них платили.

Мое внимание привлек прилавок с оружием за магазинами одежды. Учув запах золы и дыма, я замедлила шаг. В звуки ритмичных ударов молота по металлу вплеталось тихое ржание лошади, ожидающей, пока ее подкуют.

Отмахнувшись от зова острой стали, я пошла быстрее, пустилась вниз по склону неспешной рысцей и так добралась до зачарованного леса.

Слева и справа от мощеных дорожек росло множество по-

левых цветов всевозможных расцветок, как будто природа пробивалась из всех щелей. Цветы наполняли воздух переплетением ароматов. Роза, жасмин, лилия, ваниль, шоколад, корица и другие запахи, не встречающиеся в человеческом мире, искусно вплетались в природные ароматы.

Я невольно остановилась и сорвала несколько цветов, выбрав самые яркие: красные и розовые. Сунула цветы в сумку и, глубоко дыша, побежала быстрее.

Чтобы выбраться за пределы Благого двора, из наших зачарованных земель, требовалась тридцатимильная пробежка. У человека на это ушло бы четыре или пять часов, у меня – всего два. Тоже немало, но мне хотелось почувствовать ветер в волосах, забыть о событиях вчерашнего дня, притвориться, что я не чувствую тяжести надвигающегося хаоса. Мне хотелось быть рядом с мамой.

Второй и третий уровни промелькнули мимо, пока я бежала с горы. Я миновала четвертый уровень, не задержавшись у приюта, в котором выросла. Пусть бы эта дыра сгорела, мне все равно.

– Что летишь, как на пожар? – заорал кто-то, когда я пронеслась мимо, набирая скорость.

Я показала средний палец, и феири рассмеялись.

На первом уровне такое поведение не сошло бы мне с рук, но на четвертом? Феири-торговцам все равно, кто ты и как выглядишь, пока ты платишь за товары.

Когда я добралась до подножия горы, уклон стал меньше,

и я побежала на запад, к реке.

Река Данаан служила границей между Благими и Неблагими. На Унимаке держаться ее берега – лучший способ не сбиться с пути, особенно если нужно попасть в мир людей. В мир моей матери.

Вокруг по-прежнему все цвело, но без блесков, которыми было припорошено все в туристических зонах. Чистый зачарованный лес кишел маленькими существами и всякими необычными растениями. Высоко над головой раскинулись кроны деревьев всех мыслимых цветов – с листьями розовыми, пурпурными, голубыми и кроваво-оранжевыми. Цветы сверкали золотом, серебром и бронзой, их чашечки подходили на идеально подобранные драгоценные камни. Все было настоящим, все было живым, только... не просто живым, но еще и волшебным. Птицы проносились сквозь листву, сверкая неизменно ярким оперением, перекликаясь нежными голосками, манившими отдохнуть, освежить усталый разум и тело.

– Не сегодня, друзья мои, – выдохнула я, продолжая путь.

Река свернула влево, и я замедлила бег. Вообще-то я не устала, но на таком расстоянии от горы можно было остановиться и отдышаться.

До меня донеслись чьи-то голоса, и я мгновенно нырнула за толстый зеленый ствол дерева недалеко от воды. Погладив пальцами гладкую кору, ощутив дух дерева, я прищурилась, чтобы лучше разглядеть магию, и перед моими глазами

расцвели зеленые нити энергии, которые связывали магию с нашим миром. В ответ на мою просьбу ветви удлинились, склонились низко, как у плакучей ивы, и спрятали меня.

Мысленно поблагодарив дерево за помощь, я мельком взглянула на цветы, которые распустились под моими ногами.

Голоса манили меня вперед.

– То есть как – Андерхилл исчез? Это невозможно! Наверное, какой-то трюк Благих. Александр знает, что мы превосходим их числом, – сказала женщина. – Что ты об этом думаешь, юный Фаолан? Ты там вырос; может, Благие пустили в ход какую-то уловку?

Я заморгала, у меня внутри все сжалось. Фаолан здесь? Он был на восемь лет старше меня, когда я уехала на тренировки, и в ту пору я была по уши влюблена в красивого мрачноватого парня намного старше меня. Классический «плохиш». Я поморщилась, хотя никто не мог этого видеть.

– Сомневаюсь, что Благие решились бы на такую хитрую уловку. У них не хватает напористости, когда нужно сделать ход, по крайней мере, у Александра не хватает. Если бы управляла королева-консорт, тогда – возможно...

От этого хриплого голоса у меня по спине пробежали мурашки, прямо до... Нет, нет, я не собиралась возвращаться к прошлому. Мое увлечение Фаоланом выросло из детского поклонения герою, который спас меня от гибели в реке. И все равно это было лишь увлечение. Хотя после того, как

Фаолан меня спас, он много лет относился ко мне по-доброму, что отнюдь не помогало его разлюбить.

– Держи спину, Каллик! Благие не сутулятся.

Надзирательница приюта хлестнула сзади магией по ногам. Я вскрикнула и выпрямилась.

С надзирательницей Беталин лучше было вести себя осмотрительно – то есть совершать проступки, когда ее нет рядом.

Гиацинта, стоявшая рядом со мной, сердито посмотрела вслед пожилой женщине.

– Что вообще будет? – пробормотала я.

Цинт вздохнула.

– Сюда приведут домашних детей, чтобы они подружись с нами. Наверное, это помогает богатым людям лучше относиться к самим себе.

Я пока мало знала Цинт, но эта девочка обычно была веселой, насколько возможно. Такой понурой она делалась, когда вспоминала о смерти своих родителей.

Мне стало ее жалко, и я взяла ее за руку.

– Может, улизнем?

Она слегка улыбнулась.

– Можно было бы и улизнуть, вот только... К нам будут приходить каждый месяц до дальнейшего распоряжения.

Я застонала, вытирая мокрый нос. Здорово. Меньше всего мне хотелось разговаривать с теми, кто или жалеет ме-

ня, или смотрит на меня свысока.

Подгнившие двойные двери приюта распахнулись внутрь, и вошла толпа детей Благих, все на несколько лет старше меня. Их кислые лица сразу дали понять, какой нас ожидает день.

Я снова застонала, но мой стон оборвался, как лопнувшая тянучка, когда я увидела впереди остальных черноволосого мальчика с темными глазами.

– Эй... – окликнула Цинт, бросив на меня взгляд, но тут сестра-хозяйка начала говорить.

Мальчик был таким знакомым. Как будто я с ним уже встречалась. Я сперва широко распахнула глаза, потом прищурилась, пристально взглядываясь...

Это был он. Он стал старше и намного выше, но сомнений быть не могло. Тот самый мальчик, который вытащил меня из реки.

Он нахмурился, посмотрел на меня, и я быстро отвела взгляд, твердо решив смотреть только на надзирательницу.

– Каждый с первого и второго ярусов выйдет вперед и выберет сироту, с которой будет дружить долгие годы. – Надзирательница сделала паузу, а когда никто не пошевелился, рявкнула: – Приступайте!

Ее резкий тон подхлестнул Благих, стоявших напротив нас. Темноволосый мальчик подошел первым и оглядел каждого из нас с головы до ног. Еще никогда я не чувствовала себя такой убогой, как в тот миг, хотя во время игр ничуть не

беспокоилась насчет одежды. Взгляд мальчика снова остановился на мне. Помнит ли он меня?

– Она дворняжка, – сказал мальчишка рядом со мной.

Рябинник. Он жил в приюте много лет, дольше чем я. И он бывал то великодушен, то безжалостен, как в голову взбредет. Меня он почти не трогал, поэтому я не ответила свирепым взглядом. (Позже я вылила ведро воды на его постель.)

Услышав слова Рябинника, несколько сирот приглушенно засмеялись – как и хорошо одетые дети Благих.

Я вздохнула. Теперь меня выберут самой последней.

Темноволосый мальчик подошел и остановился прямо передо мной.

– Я сам буду судить, кто она. Как тебя зовут?

Его голос был совсем не таким, каким мне запомнился. Теперь он скорее походил на голос его матери, когда та велела оставить меня на берегу реки.

– Тебе не нужно ни о чем судить, – ответила я с самым невозмутимым видом.

Он быстро улыбнулся.

– Так как тебя зовут?

Я возвела глаза к потолку.

– Каллик без Дома. Ты кто?

– Фаолан. Внук Луга.

Я приоткрыла рот.

– Луга? Того самого Луга?

До сих пор мальчик говорил таким тоном, что я думала – он будет наслаждаться благоговением, которое я случайно выдала. Наоборот. Он перестал было хмуриться, но теперь снова стал мрачнее тучи.

– Разве есть еще один Луг, о котором я не знаю?

Справедливое замечание.

– Ладно. Что ж... – Я посмотрела на нашу шеренгу. – Честно говоря, здесь мало тех, дружба с кем не будет пыткой, поэтому лучше выбирай побыстрее. Вот, например, Цинт...

Повернувшись к своей новой подруге, я увидела, что та уже разговаривает с другим нарядным мальчиком.

– Видишь, тут нельзя щелкать клювом.

Когда я снова посмотрела на Фаолана, он покачал головой, вздохнул и протянул руку.

– Каллик без Дома, возможно, мы сможем справиться вместе. Что скажешь?

Я? Дворняжка?

Рябинник что-то пробормотал. Не требовалось большого воображения, чтобы догадаться, что это не комплимент.

С трудом сглотнув, едва веря в свою удачу, я взяла за руку внука Луга.

– Неплохо придумано.

Воспоминания заставили меня стиснуть зубы – не столько

из-за событий того дня, сколько из-за того, что произошло потом.

Чем старше я становилась, тем больше отдалялся Фаолан, отчего я влюблялась в него еще сильнее. За два года до того, как я уехала на обучение, его распределили в Неблагой двор, и я поняла: ничего у нас не выйдет. Два двора не смешивались – это было строжайше запрещено. Но даже осознание запретов не помешало пьяной шестнадцатилетней девчонке выставить себя дурой.

Я застонала, вспомнив нашу последнюю встречу в одном пабе, который стоял на мосту через реку, что позволяло посещать его и Благим, и Неблагим.

Несколько посетителей приподняли брови, когда я перешла с нашей стороны паба в ту часть, где сидели Неблагие. В обычное время косые взгляды отрезвили бы меня, но Цинт только что убедила меня попробовать мед фейри, явно лучший в округе. А еще я пила виски, настоящий на человеческой траве «кошачья мята». Я держала рог, в котором еще оставалось немного выпивки, но не обращала на него внимания, не сводя глаз со своей цели.

Неизвестно, как пойдут тренировки в Андерхилле; возможно, я в последний раз вижусь с Фаоланом. И мне хотелось получить ответы на свои вопросы.

На прошлой неделе он отмахнулся от меня, когда я пробралась через реку, чтобы с ним повидаться. Вел себя так, будто я была всего лишь маленькой глупой девочкой.

Сжав рог в одной руке, я хлопнула второй по столу, а когда Фаолан на меня посмотрел, спросила:

– Значит, я тебя не стою, потому что я наполовину человек, верно?

По крайней мере, я пыталась сказать именно это, но слова прозвучали странно и невнятно.

Фаолан плотно сжал губы и, сузив темные глаза, оглядел меня с головы до ног.

– Сиротка, что ты здесь делаешь?

– Завтра я уезжаю на тренировки.

Я не обратила внимания на то, что он не назвал меня по имени.

– Это последняя ночь перед тем, как я умру, а ты самый горячий парень на Унимаке, поэтому нам нужно поговорить.

Шутить о смерти в Андерхилле было плохой приметой и считалось грубым, но пьяные Неблагие, сидевшие рядом с Фаоланом, засмеялись и стали хлопать его по спине.

– Лучше поцелуй ее на прощание, Лан, – сказал один.

Фаолан нахмурился и покачал головой.

– Ты слишком маленькая, Сиротка. Слишком маленькая, чтобы уезжать на тренировки на пару лет раньше срока. Слишком слабенькая, чтобы там выжить. Ты еще малышка. Лучше устройся на кухню со своей подругой, если получится. Тебе там самое место.

Несколько его приятелей засмеялись, повторяя: «Самое место».

– Убирайся отсюда! – рывкнул один Неблагодой. – Ты здесь никому не нужна. Нечего тебе здесь делать, дворняга.

Но я сама была не на шутку пьяна, и до меня дошла только одна из отговорок Фаолана – что я слишком маленькая. «Малышка? Поцелуй меня в зад!»

Я схватила его за руку, резко развернула, потом под хор возгласов сдернула со стула и, закрыв глаза, впилась в него поцелуем, о котором мечтала годами...

Вот только ощущения были совсем не такими, как ожидалось. Поцелуй был странным. Липким.

Открыв глаза, я уставилась на левый глаз Фаолана, который я, по-видимому, только что поцеловала.

подавив стон, я твердо решила попросить дерево, которое меня укрыло, просто похоронить меня на месте. Почему именно Лан должен был оказаться здесь и сейчас?

– Гвардеец, я хочу, чтобы ты выяснил, что там произошло. Используй все свои связи, – сказала женщина. – Ты станешь моими глазами и ушами и будешь отчитываться непосредственно передо мной.

– Да, моя королева.

О, черт. На дальнем берегу реки была королева Елисава-на? Я пригнулась пониже, чтобы заглянуть под свисающими ветвями, и увидела у кромки воды темно-коричневую мерцающую юбку. Мельком я заметила рядом с юбкой черные кожаные штаны и ботинки, прежде чем оба собеседника по-

дошли к лесу на своей стороне реки.

Скоро ли можно будет двинуться дальше? Мне очень хотелось навестить маму. Если что-то и могло меня отвлечь, так это встреча с Фаоланом и королевой Неблагих.

Ухватившись за нижнюю ветку дерева, я бесшумно подтянулась и полезла вверх, пока не добралась до развилки, из которой открывался вид на реку и на тех, кто шел по дальнему берегу.

«Вон они».

Королева Неблагих шагала вверх вдоль ряда деревьев, направляясь к своему замку на западном хребте, Фаолан не отставал от нее. Потом он остановился, повернулся, и я с бешено колотящимся сердцем пригнулась на тот случай, если он посмотрит вверх.

Я не двигалась, пока не убедилась, что они ушли, а потом соскользнула с дерева и с легким стуком спрыгнула на землю.

Вдруг волосы у меня на затылке встали дыбом. Повернувшись, я ударила левой и попала Фаолану в лицо, отбросив его на несколько футов.

– Какого дьявола ты делаешь на этой стороне реки, отродье Луга?

Но я уже знала, почему он тут. Проклятье, он, должно быть, увидел меня, прежде чем я успела пригнуться.

Моя рука слабо пульсировала, я встряхнула пальцами. Удары с левой были моей слабой стороной.

Фаолан потер щеку, взгляделся в меня пристальней и широко распахнул глаза.

– Сиротка? Ты?

Я нахмурилась. Тьфу. Он даже не сразу меня узнал?

– Надеялся, что я не вернусь?

– Вижу, ты до сих пор шутишь насчет своей гибели в Ан-дерхилле. – Он поджал губы. – Честно говоря, я потрясен, что тебе удалось пройти обучение.

Он скользнул по мне таким же взглядом, как в ту ночь в баре, и я снова почувствовала, что меня осудили и сочли недостойной. Ну и пусть.

Я пробралась сквозь созданные мной длинные свисающие ветви ивы. Их нежно-розовые листья были намного красивее, чем все, что я видела за последние восемь лет.

– Тебе нельзя быть на этой стороне реки, иначе попадешь в беду. Ты же не хочешь испортить свой послужной список.

Фаолан легко меня догнал и зашагал рядом, держась на расстоянии добрых трех футов. Вместо того чтобы огрызнуться на мои выпады, он сказал:

– По крайней мере, ты улучшила свою реакцию.

Я фыркнула, не сводя глаз с тропинки впереди.

Моя детская влюбленность давно прошла, но будь я проклята, если он не остался дьявольски привлекательным. Вот почему я не хотела, чтобы Фаолан заметил, что я на него пялюсь.

– Что ты тут делаешь? Ты здесь никому не нужен.

Да, посмотри, как я ухожу с теми же словами, какие ты когда-то сказал мне.

Краем глаза я увидела, как он напрягся и сжал зубы. Очко в мою пользу.

– Вижу, ты все еще большая грубиянка. Мне кажется, тебе стоило бы извиниться. По нашим обычаям, тот, кто выставляет себя дураком, извиняется.

Вот куда он клонит, черт побери? Собирается напомнить, как я поцеловала его в глаз?

Я изо всех сил постаралась сохранить невозмутимое выражение лица.

– Понятия не имею, о чем ты.

Так-то. Пусть думает, что в ту ночь я напилась так, что ничего не помню.

– Хм-м. – Это рокошующее «хм-м» было полно мужского самодовольства. – Думаю, тебе хочется поцеловать меня удачнее, чем в прошлый раз. Посмотрим, сможешь ли ты прицелиться немного ниже.

Засранец рассмеялся. Двойной смысл его слов от меня не ускользнул, и я, развернувшись на одной ноге, ударила другой ногой в идеальной «вертушке». Никто из других стажеров – даже Тысячелистник – никогда не мог заблокировать такой удар. Фаолан поймал мою ногу у колена и отбросил ее, изогнув черную бровь.

– Не начинай того, чего не можешь закончить, малышка. Как он только что меня назвал?..

– Лэнни, – промурлыкала я имя, которым называла его мать. Когда в детстве Фаолан меня навещал, я иногда называла его так и наслаждалась, видя, как он вздрагивает. – Ты встал на неверный путь, малыш.

Да, то был удар ниже пояса – мы оба были невысокими для фейри, – но он начал первым.

Фаолан усмехнулся.

– Вот и все, на что ты способна? Из всего, что можно было бы наговорить, думаешь, это большее всего меня заденет? Ты явно еще ребенок. До сих пор.

Я резко свернула в сторону.

– Я *не* рада тебя видеть. Убирайся, Неблагой.

Он свернул туда же, легко поспевая за мной.

– Ты слышала об Андерхилле?

Очевидно, только по этой причине он все еще не обрывал разговор. Он знал, откуда я явилась и когда. Фаолан дал клятву верности королеве Неблагих, как Брес дал клятву королю Благих. Нарушение такой клятвы приводило к большой беде, а значит, все, что я ему скажу, вскоре узнает королева. Я должна вести себя очень осторожно.

– Слышала об Андерхилле – что?

– Не прикидывайся дурочкой, Сиротка. Ты была там, когда все случилось.

Я заметила, что он ни разу не назвал меня по имени.

– Так что же произошло? Ты была там. Кто был со Жрицей, когда...

Я повернулась к нему, еще раз позаботившись о том, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Я не лучшая в мире лгунья, но, когда доходит до дела, умею притворяться.

– Когда – что? – спросила я, приподняв брови.

Он внимательно вглядывался в мое лицо, как будто искал у меня на лбу ответ, аккуратно напечатанный капслоком.

– Что-то случилось с Андерхиллом, и, как все фейри, я хочу знать что.

Как это на него похоже – не выдавать информации больше необходимого. Казалось, за время моего отсутствия мало что изменилось. Но рыбачить без подходящей приманки непросто, а Фаолан не мог насадить на крючок ничего, на что мне захотелось бы клюнуть. Ну, ладно, может, я бы и не возражала клюнуть его самого, но это к делу не относится.

Я пожала плечами.

– Никто ни хрена мне не говорит, помнишь? Каллик без Дома, сирота и незрелая девчонка, помнишь? Я просто шла к маме, поэтому, если нетрудно, отцепись от меня.

Он встретился со мной взглядом, и мне показалось, что я вижу цветную рябь в темных глубинах.

Фаолан фыркнул, как будто ему не понравилось то, что он увидел в моих сиреневых глазах.

– Может, я пойду с тобой.

Он не просто так это ляпнул. Я заморгала, глядя на него.

– Зачем?

– Я не доверяю тебе, Сиротка.

– Не завести ли тебе новое хобби? Скажем, вязание крючком. Или изготовление шоколадных конфет.

С этими словами я снова пустилась бегом, но он легко за мной поспевал. Может, для парня он и был невысоким, но как женщина-фейри я была еще меньше. «Миниатюрная» – так не раз меня называли, хотя для человека я была вполне нормального роста, даже выше среднего по меркам народа моей мамы.

– Как прошли тренировки? – спросил Фаолан несколько минут спустя.

Дружеская болтовня, да неужто? Прежняя я пришла бы в восторг от такого внимания, но двадцатичетырехлетняя я просто... насторожилась. Я ему не нравилась, мы оба это знали. Его заставили проводить со мной время в рамках программы наставничества. «Внук Луга исполняет свой долг по отношению к бедным и обездоленным». Как только он смог навсегда выйти за двери приюта, он это сделал.

Рябинник отвернулся от меня во время последнего испытания. Брес замкнулся в себе, когда мы с ним в последний раз разговаривали. Тысячелистник... ну, я вообще не собиралась думать об этой жабьей заднице. Я не знала, кому могу доверять, кроме Гиацинты. А может, просто понимала, что только ей и можно доверять, и хотела, чтобы все было по-другому.

– Тренировки были прекрасными. – Я сделала глубокий вдох. – Тяжелыми. Это было тяжело.

Мы были дворнягами и полукровками нашего мира. Как и другие, более чистокровные фейри, Фаолан тренировался при Неблагодатном дворе после того, как его распределили. Но начинал учебу он при Благом дворе. И там и там он тренировался с лучшими из лучших, поэтому мог стать всем, кем хотел. Знаете, это как у людей у морских пехотинцев – у них нет шанса погибнуть во время тренировки.

В неловком молчании мы дошли до четкой границы зачарованного леса Благоухания. Здесь как будто великан ткнул пальцем в землю и прочертил глубокую борозду. На нашей стороне зелень была густой, живой, пышной и яркой, как в диких джунглях. С другой стороны борозды бесплодная равнина простиралась вплоть до южной оконечности Унимака.

Зима все еще сжимала в тисках часть острова, на которой жили люди, хоть и близилась к концу. Я шагнула через борозду, и температура сразу упала градусов на тридцать. Ветер завывал и бил мне в лицо, оно в считанные секунды онемело.

Я вытянула красную нить магии глубоко из-под земли, чтобы согреться, и меня окутало тепло. Отзываясь на благую магию, мох покрыл камни под ногами.

С улыбкой поблагодарив про себя красную энергию, я зашагала по равнине, прямо на юг, к группе скал.

Фаолан за мной не последовал. Не многие фейри добровольно пересекали границу. Здешняя пустота вызывала у них отвращение, они считали, что она более мертва, чем

люди, погребенные под землей. Там, посреди равнины, стоял инуксук – камни, сложенные в грубую фигуру человека. Здесь, рядом с нашими предками, была похоронена моя мать.

Я присела на корточки у подножия инуксука и вытащила из сумки цветы. Слегка помятые, они все еще резко контрастировали со здешними тускло-коричневыми красками.

– Привет, мам, – прошептала я.

Ветер унес мои слова прочь.

Она умерла вскоре после того, как я провалилась под лед. Однажды утром я проснулась и увидела, что она спит в кресле у потухшего очага.

Я закрыла глаза, стараясь изгнать из памяти те мгновения. Как я прикоснулась к ее холодной руке. Похлопала ее по холодной щеке. Свернулась калачиком у нее на коленях и выбила кружку из ее жесткой руки. Съежилась при виде того, какой я устроила беспорядок, все еще думая, что мама проснется.

Только отчаянно проголодавшись, я заставила себя уйти из дома: натянула всю свою верхнюю одежду и отправилась в теплое место, где жили красивые люди. Только став старше, я осознала, как странно жить там, где нет других людей. Осознала, что всегда были только я и мама. А потом не стало и ее.

Это Фаолан нашел меня тогда на краю границы. Он отвел меня в приют, держа за руку, мягко разговаривая со мной.

Как будто ему было на меня не наплевать.

С трудом сглотнув, я попыталась сдержать слезы, потому что чувствовала, как взгляд Фаолана прожигает мне спину. Напрасные попытки.

Я очень мало помнила маму: когда я ее потеряла, мне еще не было пяти, но в этом мире она была моей единственной любящей семьей. И, хотя у меня сохранились только обрывочные воспоминания, я помнила ее любовь, ее голос и ощущение мозолистых пальцев, гладящих мою щеку. Песни, которые она пела мне по вечерам, все еще приходили ко мне во сне. Достаточно, чтобы остро сожалеть о своей потере и мечтать, чтобы мама по-прежнему была со мной. Тогда все могло бы сложиться совсем по-другому.

– Я облажалась, – тихо прошептала я. – На этот раз очень сильно облажалась. Я не знаю, что делать.

Единственным ответом был вой зимнего ветра, хлеставшего меня по лицу, замораживавшего слезы на щеках.

Я бесцельно крутила на столешнице стоящий на острие кинжал, оставляя на дереве след, обдумывая варианты, которые определяют мое обозримое будущее.

Телохранительница посла фейри.

Это позволит мне регулярно видаться с людьми на разных политических встречах. Не самое любимое развлечение.

Руководящая охранная должность низкого ранга.

Не идеально, но со временем можно будет продвинуться.

Личная охранница члена королевской семьи.

Да, как же.

Я просматривала варианты, отбрасывая большинство из них.

Можно стать разведчицей аванпоста, но тогда я никогда больше не увижу Гиацинту. «И Фаолана», – прошептал в моей голове тупой до нелепости голос.

Я нахмурилась. Вчера я провела в обществе Фаолана всего час, но этого хватило, чтобы у меня слегка помутился рассудок.

Ничего не изменилось. Он все еще был Неблагим. Я была Благой. Между нами никогда ничего не будет. Вот только Фаолан с юных лет обладал раздражающей смесью обаяния плохиша, наделенного задумчивой сексуальностью. Ну, может, шестнадцатилетнюю меня это сочетание и не раздража-

ло, но двадцатичетырехлетней мне не нравилось, чем вчера закончился наш разговор.

Вряд ли Фаолан потерял из-за него покой и сон.

Я со вздохом подкинула кинжал и едва обратила внимание, когда его рукоять со знакомым глухим стуком легла на ладонь. Воздух вокруг казался заряженным электричеством – так бывает перед тем, как на мир обрушится буря. Но снаружи ярко светило солнце, значит, это ощущение не имело ничего общего с погодой, а имело прямое отношение к тому, что произошло с Андерхиллом.

Я напряглась, услышав гулкий стук в дверь. Мне не полагалось иметь слуг, пока я не выберу свое призвание, поэтому я открыла сама, держа в руке кинжал, и увидела пожилого человека, судя по золотой с серебром ливрее – лакея.

– Чем могу помочь?

Человек посмотрел на мое оружие и поспешно протянул большую коробку, завернутую в пурпурную бумагу.

– Велено передать Каллик без Дома.

Вторая доставка за сегодняшний день. Утром принесли еду – в качестве щедрого дара, чтобы я продержалась, пока не получу первую стипендию.

Я бросила кинжал за спину и услышала глухой удар, с которым он воткнулся в дальнюю стену.

– Каллик – это я.

Я взвесила коробку в руке. Кто, черт возьми, мне это прислал?

Старик покосился через мое плечо.

– Не сразу я вас нашел. Не знал, что тут есть дома на задах замка. Несчастливое число, не так ли?

– Это задница замка, а не зады, – поправила я. – Нечего стесняться в выражениях.

Он широко ухмыльнулся.

– Как скажете. Доброго дня, мэи.

Пинком захлопнув дверь, я вернулась к столу, бросила на него коробку и усталилась на нее.

Золотые блестяки по всей обертке. Карточка с тиснением. Голубая лента.

Я разорвала упаковку и высоко приподняла брови при виде того, что лежало внутри.

Платье.

Я схватила карточку.

«Каллик без Дома. Ваш наряд для сегодняшнего пира. С уважением, администрация замка».

Праздник – явно не тот случай, когда можно ходить в кожаных штанах и рубашке.

Все Испытанные получили «наряд» или только я? Другими словами – мне прислали личный подарок от Дорогого Отца или еще один из призов? Не то чтобы это имело значение. Как бы я ни выглядела, он не станет предъявлять на меня права. Уж точно не на таком празднестве. И все же я была не настолько глупа, чтобы считать, что у меня есть выбор. Хочешь не хочешь, придется надеть присланное.

Когда я вытащила ярды ткани из волшебных пределов коробки, платье развернулось, стало больше. Нежно-сиреневое, в точности подходящее к моим глазам. Я прижала тюль к руке. Я унаследовала бронзовую кожу матери и невольно признала, что цвет платья подчеркивает ее скрытое сияние.

Подняв платье, я поморщилась. Как, черт возьми, сражаться и бегать в этой тряпке? Ну, делать что-либо подобное на празднике вряд ли придется, но восемь лет тренировок не проходят даром. Любое место могло оказаться смертельно опасным.

По сравнению с этим одеянием платья, которые я иногда носила в приюте, больше смахивали на мешковатые сорочки. Лиф из почти прозрачного кружева лишь служил основой для сиреневых блесток, которым полагалось прикрывать девушку. Блестки усеивали и плечи, а длинные рукава заканчивались сиреневыми перьями – да, перьями! Перья украшали также всю широкую тюлевую юбку, каскадом ниспадавшую до полу.

Сногсшибательно! И это великолепно смотрелось бы на ком-нибудь другом, только не на такой грязной дворняге, как я.

– Ты больше не в Андерхилле, – выдавила я.

Раздалось короткое чириканье, в воздухе появился холщовый мешочек и с металлическим звяканьем упал на стол.

Повесив платье на спинку единственного стула, я взяла мешочек, растянула завязки... Внутри блеснули золотые мо-

неты.

– Да, – прошептала я.

Пришла моя первая стипендия. В буквальном смысле слова мои первые собственные монеты. Я отодвинула коробку с платьем и аккуратно высыпала их на стол. Десять. И все мои. И с этого момента я буду получать каждые две недели еще по столько же.

Если экономить на еде, одной такой монеты мне хватит на неделю. Пару монет придется потратить на новую одежду, но я хотела сэкономить как можно больше. Деньги значили для фейри не так много, как для людей, и все же на Унимаке без денег нельзя хорошо жить, и я не хотела снова сидеть с пустым карманом. А еще я собиралась позаботиться о Цинт. Я знала, что она едва сводит концы с концами, даже при новой должности.

Когда-то давно фейри полностью полагались на магию, которая давала им одежду, мебель и домашнюю утварь, но мы больше не одевались в листья и виноградные лозы, и обладание предметами мира людей (вместо каменных ножей и деревянных мисок) стало статусным. Не то чтобы я могла на такое купиться, но дворы не одобряли использование магии на всякие пустячные дела и вещи. В конце концов, равновесие должно поддерживаться; миры фейри держались на нем.

Я собрала монеты, вернула в мешочек и огляделась по сторонам. Здесь было не так уж много укромных мест. Обыскав дом, я остановилась на паре тайников. Сперва разрешила

одеяло и сунула внутрь семь монет. Позвякивая остальными тремя (их я собиралась потратить завтра), пошла на кухню и сунула за кухонные трубы под раковинной.

Потом я начала приводить себя в приличный вид – на это ушло неприлично много времени.

Приняв душ, я сказала своему отражению в зеркале:

– Тебе просто нужно пережить сегодняшней вечер.

Каждый день, прошедший после того, что случилось во время финального испытания, был хорошим знаком. Великим знаком. Ничего страшного – это просто волна, которую нужно оседлать... Если бы не ощущение, что волна готова взметнуться и утопить меня.

У меня скрутило живот, мгновение я изо всех сил пыталась вдохнуть, как будто действительно только что вынырнула из глубины.

– Сосредоточься, девушка. День за днем, – прошептала я своему слишком бледному лицу в зеркале.

Заставив себя вернуться мыслями к своим карьерным возможностям, я принялась расчесывать темно-каштановые волосы до плеч. Этими вечно прямыми волосами я тоже пошла в мать. Если и возможно было как-то их уложить, я понятия не имела, как совершить такой подвиг. Но в кои-то веки я оставила их распущенными.

Я сражалась с платьем, пытаясь влезть в эту обширную палатку, когда в дверь снова постучали. Я поморщилась, увидев в зеркале свою совершенно голую спину – ну, прозрач-

ное кружево вроде бы ее прикрывало, но, проклятье, ничего не скрывало. По крайней мере, хотя бы рукава спрячут мои накачанные руки.

– Подождите! – крикнула я в сторону коридора.

К платью прилагались туфли такого же цвета, но я бросила на них единственный взгляд и взялась за мягкие походные ботинки. Всему есть предел, верно? Сунув ноги в ботинки, я зашнуровала их и одернула платье.

«Оружие, оружие, оружие».

Застегнув на бедре ремень с ножнами, я сунула в них изогнутый нож.

Снова постучали. Я распахнула дверь и сердито посмотрела на человека, который за ней стоял.

Дворцовый охранник приподнял бровь.

– Я должен сопроводить вас в замок. Не заставляйте меня ждать.

Его высокомерие меня не впечатлило. Если не считать Гиацинту и Папоротник, я не встречала Благих, которые не вели бы себя высокомерно. Все Благие отличались чванством, даже живущие на четвертом ярусе. Честно говоря, Неблагие были немногим лучше, но они скорее пырнули бы тебя ножом в грудь, а не в спину. В этом была определенная честность, которую я могла понять.

Я шла за охранником, нервничая все сильнее. Наконец, волнение, которое мне весь день удавалось держать в узде, захлестнуло меня с головой.

Отец в замке. Этот человек ведет меня к нему? В последний раз я видела отца издали, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Нас тогда доставили в замок для распределения: одних должны были отправить в Благой двор, других – в Неблагой, и король наблюдал, как его охранники преградили путь шестнадцатилетним фейри. Я заметила отца еще из окна трамвая. А потом меня отделили от остальных, и через час надзирательница приюта сообщила, что на следующий день я отправляюсь на тренировки в Андерхилл – на два года раньше, чем большинство... Если у меня нет возражений.

У меня их не было.

Так я избавилась от сортировки.

Отец оказал мне большую услугу. Я месяцами боялась распределения, уверенная, что мое положение фейри-полукровки каким-то образом все испортит. Или что какой-нибудь фейри узнает, что я дочь короля, и отец накажет меня за то, что я выдала его секрет. Или что меня по какой-то причине вышвырнут в Треугольник. Теперь, когда я стала достаточно взрослой, чтобы над этим задуматься, я поняла, какой нелепой была последняя мысль.

Магия не являлась моей второй натурой, не то что у чистокровных фейри (так же, как и способность надолго задерживать дыхание под водой), но я без больших проблем научилась пользоваться нитями энергии цвета индиго. Они не сразу мне подчинились, но я всегда в конце концов добивалась своего. Годы, проведенные в Андерхилле, помогли мне

это понять.

Стражник провел меня через заднее крыльцо, потом – вверх по лестнице для слуг. Беспокойство сильнее начало толкаться в моей груди, как только он отодвинул занавеску, и за ней я увидела четырех других Испытанных, ставших Элитой.

Никогда не думала, что буду рада встрече с Тысячелистником. Папоротник, Береза и Осина помахали мне: теперь они казались общительными и дружелюбными, и я присоединилась к ним.

– Не узнаю тебя, – пошутил Береза, кивнув на мое платье. – Ты сможешь в этом сражаться?

Я окинула взглядом их наряды – причудливые, но практичные.

– Спорный вопрос. Хочешь махнутья?

Он ухмыльнулся.

Женщина в костюме, цокая каблуками, вошла через широкую дверь на противоположном конце гостиной... По крайней мере, по королевским меркам это считалось гостиной. Зал был втрое больше моего нового жилища, но кого тут заботят размеры.

– Я управляющая замка, – серьезно сказала женщина, постукивая ручкой по блокноту.

У нее что, нет имени, только должность?

Она оглядела нас из-под очков, в которых скорее всего не нуждалась. Наверное, очки просто дополняли ее деловой

образ.

– Наши гости рассаживаются, – продолжала женщина. – Через минуту вы проследуете за мной в бальный зал, где объявите королю Александру о выборе профессиональной стези и повторите свою клятву.

Черт.

Когда я произнесла эту клятву в прошлый раз, все пошло наперекосяк.

Управляющая осмотрела нас всех по очереди. Поймет ли она, что я все еще понятия не имею, какую «профессиональную стезю» выбрать?

Мы выстроились в шеренгу позади женщины, и я с радостью встала последней. По дороге я рассматривала огромные пустые залы, через которые мы проходили, а когда услышала гул толпы, чуть не схватилась за изогнутый нож. Потом учуяла ароматы жареного мяса и приправленных травами овощей и вдохнула поглубже.

Если Гиацинта готовила эти угощения, я знала, чем буду заниматься остаток ночи. И к утру платье станет мне мало.

Нас провели между круглыми столами, за которыми сидели фейри из высшего общества и члены королевской семьи. Я сильно сомневалась, что кто-нибудь из гостей этого пиршества, устроенного в нашу честь, был фейри-полукровкой. Когда мы проходили мимо, гости мельком смотрели на нас, а потом, будто заскучав, возвращались к своим разговорам.

– Ждите прибытия короля Александра, – сказала управ-

ляющая замка и оставила нас на краю помоста.

Тысячелистник взошел на возвышение с важным видом, встал поближе к двум тронам, окликнул кого-то за ближайшим столом, помахал и подмигнул.

Выглядело блевотно.

В самом начале тренировок я думала, что раз мы с ним оба ублюдки, это может нас примирить. Хотя Тысячелистника признал его отец из Золотого Дома, тот все равно был внебрачным сыном; он начал обучение, чтобы укрепить свое положение среди высокородных и доказать, что многого стоит.

Да, происхождение могло бы нас объединить. Если бы Тысячелистник не был законченным кретином. Как бы то ни было, я почти не сомневалась: он невзлюбил меня за то, что при взгляде на меня вспоминал о своей незаконнорожденности... Черт возьми, я *вообще* в этом не сомневалась. Я олицетворяла все то, что Тысячелистник в себе ненавидел, поэтому и сделалась сразу его любимой боксерской грушей.

Не успели мы выстроиться в шеренгу слева от королевского трона, как герольд, который только что еле слышно заявил о нашем появлении, трижды стукнул в пол золотым посохом.

– Король Александр и королева-консорт Адэр!

Бедняга, должно быть, жил ради таких моментов.

Мой отец и его жена наверняка знали, что я здесь. Они не помешали мне прийти. Если я не буду высовываться, они просто не обратят на меня внимания, как предписывает наш

негласный уговор.

Крошечная частица моей души все еще мечтала о признании и любви единственного оставшегося в живых родителя, но мне не хотелось, чтобы меня знали как незаконно-рожденную дочь короля. «Папочка» и его стервозная жена тоже этого не хотели. Не обращать друг на друга внимания – беспроектный вариант. Пристальный взгляд королевы из-под накладных ресниц меня не ранит.

Я выдохнула воздух, который долго задерживала в груди. «Я смогу через это пройти. Я должна».

Украдкой вытерев вспотевшие ладони о сиреневую тюлевую юбку, я стала наблюдать за приближением королевской пары.

Король не смотрел на фейри, мимо которых проходил. Глубокая морщина залегла между его каштановыми бровями, он казался погруженным в свои мысли.

Я воспользовалась случаем, чтобы как следует его рассмотреть.

В его блестящих волнистых каштановых волосах появилось несколько седых прядей. Он всегда был серьезным и мрачноватым, но сегодня вечером выглядел серьезнее и мрачнее обычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.